

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-2-33-66

УДК 336.2

**Амбивалентность как “зонтичная концепция”.
Размышления по поводу выхода в свет книги: Radaev, V. and
Kotelnikova, Z. (eds). 2022. The Ambivalence of Power
in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia
and beyond. London: UCL Press, 369 pages.
<https://doi.org/10.14324/111.9781800082687>. Часть 2.**

(Продолжение, начало в 1-м номере “Сибирского социума” 2023 года)

Владимир Александрович Давыденко¹
Елена Владимировна Андрианова²

¹ доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет; v.a.davydenko@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-8389-4254

² кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

Аннотация. В данной статье представлено продолжение второй части нашего отзыва на рецензируемое издание “Амбивалентность власти в экономике двадцать первого века: примеры из России и других стран” (2022 г.) под редакцией Вадима Радаева и Зои Котельниковой.

Высокий эвристический потенциал рассматриваемой монографии не вызывает никаких сомнений. Вместе с тем, научный функционал этой книги сам по себе исключительно амбивалентен. При разборе завершающих глав “Амбивалентности власти” авторы данной статьи сделали свой главный акцент на обсуждении многих дискуссионных моментов, представленных в изложении результатов, включая критику показателей моделирования. Наши собственные размышления относительно общих моментов, объединяющих все главы “Амбивалентности власти” как с теоретической точки зрения, так и при описании практик, привели нас к метафоре “зонтичной концепции”, объединяющей все её главы. Тщательный междисциплинарный и историко-теоретический анализ широкой гаммы смыслов, содержаний и значений дефиниции амбивалентности привёл нас к выводу о том, что это понятие есть некая метафизическая конструкция типа кантовской “вещи-в-себе” (“thing-in-itself”), то есть вещи как таковой, вне зависимости от нашего восприятия. В рецензируемой книге “амбивалентность власти” как кантовская “вещь-в-себе” при использовании разнообразных “опосредующих” манипуляций вдруг превращается в “вещь-для-всех” (“thing-for-all”), раскрывая буквально все смыслы жизни и все её сущности. Мир, взятый “изнутри”, превращается в “мир для всех” подобно тому, как спокойно спящий пролетариат превращается в рабочий “класс-для-себя” с полным осознанием своих классовых интересов и потому готовый свергать любую буржуазию. Амбивалентности власти при этом превращаются в некие “фиговые листки”, готовые прикрывать любые “тёмные стороны” (англ. “dark sides”) объектов иссле-

дования. Этот термин явно предпочитает Вадим Радаев, потому что ориентация на “тёмные стороны” исследуемого объекта встречается почти во всех главах рецензируемой книги. На наш взгляд, “тёмные стороны” амбивалентности – это не очень удачная научная метафора, потому что при её применении во всех 17-ти главах книги в анализе амбивалентности власти нужно будет различать разные оттенки тёмных сторон (англ. “different shades of dark sides”) – от “терпимой” тёмной стороны (англ. ‘tolerable’ dark-side) до “невыносимой” (англ. ‘intolerable’ dark-side), как это принято в современном менеджменте и маркетинге. Надо подчеркнуть, что в этих областях проводятся отдельные, соответствующие операционализации и верификации, а в экономической социологии несколько другая научная специфика, вовсе не связанная с фокусированием на “тёмные стороны” амбивалентности. Тем не менее, как нами отмечалось в первой части рецензии, в монографии “Амбивалентность власти” имеется достаточно много ярких и сильных научных текстов, бросающих вызов существующим теориям и удовлетворяющих интересы практически всех, кого занимают вопросы современной экономики, встроённой в современное общество.

Ключевые слова: Амбивалентность, амбивалентность власти, зонтичный подход, “тёмные стороны” объектов исследования, ограниченная рациональность, иррациональность.

Цитирование: Давыденко В. А. Амбивалентность как “зонтичная концепция”. Размышления по поводу выхода в свет книги: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). 2022. The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond. London: UCL Press, 369 pages. Часть 2) / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова // Siberian Socium. 2023. Том 7. № 2 (24). С. 33-66.
DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-2-33-66

ВВЕДЕНИЕ

Продолжая начатые в 1-м номере “Сибирского социума” 2023 г. размышления по поводу выхода в свет в 2022 г. книги “Амбивалентность власти в экономике двадцать первого века: примеры из России и других стран” под редакцией Вадима Радаева и Зои Котельниковой, подчёркиваем, что в ней очень хорошо изложены исторические и интеллектуальные предпосылки самого появления, становления и развития “амбивалентности власти” как в экономическом, так и в социальном взаимодействии акторов микро-, мезо- и макро- уровней. Главный аргумент этой книги заключается в том, что в современной экономике власть тесно связана с самыми различными амбивалентными практиками на разных уровнях общества. Как пояснили редакторы и авторы этой книги, многие аспекты амбивалентности ускользают от внимания исследователей, изучающих это явление в рамках одной дисциплины, в основном, из-за особенностей методов и различий в странах. Для теоретической разработки аргумента о том, что власть тесно связана с

разными амбивалентными практиками, группа авторов применила целый ряд новых источников получения данных и методов исследования, а также стандартных, таких как этнографические наблюдения, статистический анализ, анкетные опросы, серии глубинных интервью, применение теоретической методики выборки по принципу “снежного кома” и др. Все главы были посвящены изучению амбивалентной природы власти, толкованию используемых методов и методологий исследований, снабжены яркими примерами.

В *одиннадцатой главе* “Как владельцы брендов лишали легитимности подделки в России с начала 2000-х гг.” Зоя Котельникова раскрыла особенности эволюции российских рынков в 2000-х гг. Она обратила внимание на то, что внутренний рынок 1990-х гг. в России был наводнен контрафактными и некачественными товарами. Ведущие международные бренды неоднозначно относились к контрафакту. Поначалу, взвесив все “за” и “против”, они предпочли игнорировать подделки, скрывая их масштабы от потребителей в определенные моменты из-за

рисков потерять свои ниши на рынке товаров. Но в конечном итоге международные бренды стали бороться с контрафактом в России, привлекая власть и ее институты, ответственные за регулирование рыночных отношений и безопасность потребителей. Стоявшая у самых истоков “контрафактной тематики” научных исследований Московской экономико-социологической школы Зоя Котельникова показала реальную историю двойственного отношения владельцев брендов к контрафактной продукции. Во-первых, они признавали, что контрафакторы – это такие «подделыватели», которые наносят значительный вред зарегистрированным товарным знакам. У подделывателей были очевидные конкурентные преимущества: они массово насыщали рынки легко покупаемыми потребительскими товарами, продвигая бренды популярных торговых марок, делая их более узнаваемыми и более ценными у покупателей, при этом многие люди даже сознательно покупали подделки из-за их дешевизны и возможности стать носителями “престижного потребления” в том плане, чтобы “быть не хуже нормальных людей”. Во-вторых, владельцам брендов часто приходилось скрывать правду о наличии контрафактных товаров на рынке, чтобы избежать нанесения репутационного ущерба и потери символического капитала. В-третьих, владельцы статусных торговых марок колебались между попытками борьбы с контрафакцией как частной проблемой, регламентируемой Гражданским и Административным кодексами, и усилиями по привлечению государства к использованию принудительных ресурсов для подавления нарушителей прав интеллектуальной собственности посредством применения статей Уголовного кодекса РФ. В-четвёртых, поскольку в производство контрафактной продукции были вовлечены не только отдельные предприниматели, но и целые страны, в основном из-за обилия в них собственной дешёвой рабочей силы, всемирного распространения технологий и в сочетании с отсутствием ограничительных законодательств, то в России 1990-х гг. как стране с пустыми полками в магазинах и постоянными дефицитами практически по всем линейкам то-

варов, даже массовый контрафакт превратился в ниши огромного потребительского спроса населения. Контрафактные товары включали одежду, сигареты, лекарства, продукты питания, автомобильные запчасти, программное обеспечение для компьютеров, мобильные телефоны, наручные часы [9] то, что было необходимо в повседневном потреблении. В-пятых, обратной стороной проникновения контрафакта было низкое качество вводимых в торговый оборот товаров, и несмотря на принятие законов об интеллектуальной собственности, российские рынки сильно пострадали от контрафакции в 1990-е гг., когда стало понятным, что по низким ценам престижно-статусного потребления не бывает, а ущерб от потери репутации становится невозполнимым. Владельцы брендов стали бороться с контрафактными рынками, используя разные средства, включая бизнес-ассоциации как формальные и обезличенные структуры. Их целью было конвертировать свою экономическую мощь в политическое влияние на коллективные движения. Держателей брендов к коллективным действиям подталкивали две особые причины: во-первых, изготовители контрафактной продукции производили и продавали подделки популярных брендов, принадлежащих разным компаниям, что в явном виде нарушало права интеллектуальной собственности транснациональных компаний; во-вторых, контрафакторы отнимали серьёзные финансовые ресурсы в виде выручки за популярные бренды, которые им не принадлежали. В итоге владельцы брендов стали реально бороться с контрафактом, побуждая многие другие фирмы и компании присоединяться к их усилиям, учитывая также практику изготовителей контрафактной продукции легко переключаться в атаку ниш слабозащищенных брендов. Вступая в ассоциации, владельцы торговых марок преследовали разные цели: координировали свои действия по борьбе с контрафактной продукцией (консолидация частичных интересов и разработка общих планов действий); лоббировали министерства и ведомства, Государственную Думу РФ; регулярно вели диалог с правоохранительными органами с целью разработки механизмов эффективного

контроля. Создавая и запуская соответствующие механизмы, держатели брендов и торговых марок сделали в итоге свои конструктивные усилия в борьбе против контрафактной продукции весьма заметными и для государственных регулирующих органов, и потребителей. Предоставление информации и данных экспертиз на наличие признаков контрафактности стало одним из ключевых инструментов влияния владельцев брендов на государственные регуляторы. Учитывая, что транснациональные компании регулярно собирают эмпирические данные о том, как работают рынки и как себя ведут покупатели, они имеют качественные базы данных о потоках продуктов, товаров, работ и услуг по интересующим их нишам. У них есть штат торговых представителей, изучающих местные рынки и сообщающих об обнаружении подделок. Владельцы брендов сами инициируют исследовательские начинания в сотрудничестве с авторитетными научными институтами для измерения количества изготовителей контрафактной продукции, оценки потерь для компаний, всех ущербов, включая недоплаты в государственные бюджеты. Как свидетельствует Зоя Котельникова, каждая компания создавала свою собственную стратегию в зависимости от характера стоящих перед ней проблем, отношений и имеющихся контактов с органами исполнительной власти, наличия накопленного опыта и собственных представлений об эффективности работы того или иного органа исполнительной власти [41, с. 230-231]. Одни владельцы брендов сосредоточились на работе с таможенниками, когда у них были проблемы с импортными подделками; другие предпочли бороться с циркулирующими в розничной торговле подделками, активно сотрудничая с торговыми инспекциями. Третьи владельцы торговых марок предпочитали принимать меры против самих производителей подделок, обращаясь за помощью в МВД и другие силовые структуры. Как правило, владельцы брендов сотрудничали с правоохранительными органами разнообразными способами: предоставляли им маркетинговую информацию; обеспечивали экспертные знания о том, как отличить подделки от

подлинных товаров; создавали рабочие группы, разрабатывая совместные механизмы решения проблем (например, проводили совместные рейды); вводили в жизнь образовательные и информационные инициативы, выпуская конкретные рекомендации для борьбы с контрафактом. Таможенникам владельцы брендов предоставляли “эффективные цены”, указывая пороги, ниже которых ни одна компания не могла импортировать в Россию свои товары. Заклучая, автор главы сделала выводы о том, что амбивалентное отношение владельцев брендов к контрафакции привело к конструктивным трансформациям и появлению другой “власти” у тех, кто обладал принудительными ресурсами (как частными, так и государственными) для косвенного осуществления “власти” над теми, кто нарушал права интеллектуальной собственности. Таким образом, фирмы и компании свою власть осуществляют на рынках “амбивалентно”, превращая ее в “тихое” и невидимое измерение результативности своих конструктивных действий [41, с. 233].

В двенадцатой главе “Академическое превосходство за счет гомогенизации? Обретение легитимности благодаря стратегическому положению лучших университетов” авторы Иван Павлюткин и Анастасия Макарева показали сферу глобального высшего образования, утверждая, что стратегическое положение ведущих университетов мира отражает амбивалентность власти. Как только в глобальную академическую гонку вступили ведущие национальные и региональные университеты, деятельность которых встроена в их собственные институциональные контексты, они столкнулись с несовместимыми нормативными ожиданиями или двойными стандартами при управлении своей легитимностью. Иван Павлюткин и Анастасия Макарева подняли актуальный вопрос дифференциации учебных заведений в системах высшего образования их стран на основе идентифицирующих национальных и глобальных рейтингов эффективности и оценки репутации. Являясь частью тенденции к количественной оценке и соизмеримости в мире организаций, подобное ранжирование позволяет сравнивать университеты в соответствии с об-

щими показателями. Различные региональные и национальные университеты вертикально позиционируются, социально категоризируются, публично и в той или иной степени символически признаются в силу их положения в глобальных рейтингах при разделении на группы с высоким, средним или низким статусом. Как верно утверждают авторы главы, с одной стороны, влияние глобальных рейтингов неоспоримо, глобальные рейтинги университетов беспрецедентно влияют на поведение различных акторов и институтов как внутри, так и за пределами академических кругов, рейтинги оказывают большое влияние на разнообразные среды. С другой стороны, с момента появления глобальных рейтингов университетов они причиняли боль коллективным чувствам многих университетских сообществ по всему миру, а это означало, что некоторые из них оказались под давлением и вынуждены были удвоить свои усилия по реализации новых инициатив, направленных на улучшение своего положения, поскольку на карту была поставлена статусная честь и репутационные успехи. Как справедливо указывают Иван Павлюткин и Анастасия Макарева, глобальные рейтинги, в свою очередь, подвергались резкой критике со стороны учёных и университетских администраций за их слабую методологию, неуместность и изменчивость, жёсткость и многие другие негативные эффекты, которые подчеркивали несправедливость и субъективность этих форматов оценки и дифференциации [38, с. 238]. В итоге составители рейтингов используют в своих интересах власть, которую они осуществляют и которой обладают, и, следовательно, она становится влиятельным инструментом политической и экономической мобилизации во многих странах. Это можно увидеть в специальных программах академического превосходства, которые правительства многих стран ввели с целью вхождения в закрытую группу элитных университетов. Ранжирование университетов – не разовый акт, а скорее накопление рангов с течением времени, процесс, который оказывает влияние на формирование статуса образовательного учреждения. Черпание своей силы из глобального поля рейтингов

высшего образования стало источником некоей “двойственности” для университетов. Рост рейтингов побуждает их становиться “догоняющими организациями” и формулировать свои институциональные амбиции с целью войти в желаемую статусную группу мировых лидеров. В свою очередь, именно это приводит к противоречиям в организационной идентичности в отношении взаимосвязи между внешними стратегическими приоритетами и ожиданиями внутриуниверситетского сообщества, которые стали рассматриваться в терминах “автономии или зависимости” (“autonomy or dependence”). Авторы этой главы вполне обоснованно утверждают, что стратегическое положение университетов отражает “амбивалентность власти” в глобальной сфере высшего образования. Как только ведущие национальные университеты, встроенные в различные институциональные контексты, вступают в глобальную академическую гонку, они автоматически сталкиваются с несовместимыми нормативными ожиданиями или “двойными стандартами” в управлении своей легитимностью. Принимая участие в соревновании за “академическое превосходство”, которое в итоге должно привести к попаданию в глобальные мировые рейтинги, университеты с более низким рейтингом получают другую легитимность благодаря рационализированному мифу о применении “гоночной модели” (англ. здесь и далее “racing model”) движения к своему стратегическому положению. Они мечтают сократить свой разрыв с высокорейтинговыми университетами, но последняя группа получает свою легитимность из других источников. Это приводит к двоякому или амбивалентному мышлению о том, что значит быть на мировом уровне – участвовать в гонках или лидировать? [38, с. 238]. По экспертному мнению авторов 12-й главы рецензируемой монографии, амбиции, которые университеты закладывают в свои новые стратегии, создают общие условия для той гомогенизации, которые они используют для поиска легитимности в глобальном организационном поле образования. Так, дебаты вокруг конкурирующих концепций гомогенизации (общего стремления к однородности по ключевым

чевым признакам) университетов объединили две сильные стороны: “университеты мирового класса” (“world-class universities”) и “флагманские университеты” (“flagship universities”). Оба этих типа представлены университетами в разных регионах мира. Стремление к признанной статусной дистанции более высокого уровня, приводящее к другому ранжированию и позиционированию, обусловлено заинтересованностью ведущих организаций в воспроизведении существующего стабильного социального порядка, в контексте которого они приобретают статус “законодателя моды” (“trendsetter”). В то же время этот момент может стать желательным стимулом выделиться не только среди лидеров с высоким рейтингом или аутсайдеров с низким рейтингом, но и внутри лидирующей группы, если акторы соревнуются за доминирующее положение именно в этой области. Разрабатывая и публикуя стратегии, университеты выделяют свои ключевые направления как “социальную ценность” и как “вклад в общество”. Используя средства репрезентации типов “превосходство” (“excellence”), “вовлеченность” (“engagement”) и “устойчивость” (“sustainability”), университеты претендуют на государственную поддержку и другие средства содействия. Рассматривая стратегические планы отобранных университетов из различных регионов мира и рейтинговых групп, авторы исследования обнаруживают, что “превосходство” является одной из ключевых категорий, определяющих стратегическое видение и саму деятельность университета. В основном это проявляется в тех частях стратегии, которые определяют цели, миссию и видение университета. Подводя итоги сравнительного исследования стратегического позиционирования среди 150 лучших университетов, авторы указывают, что найти представителей только одной концептуальной модели в стратегическом позиционировании довольно трудно. Участвующие в академической гонке ведущие университеты мира выделяют и комбинируют концептуальные ключевые признаки разных конкурирующих моделей, поскольку они отвечают несовместимым нормативным ожиданиям. Анализ ситуации и трендов приво-

дит ученых к неожиданному результату: университеты, принадлежащие к группе с самым высоким рейтингом, больше ориентированы на видение вовлеченности, чем университеты из группы с более низким рейтингом, которые больше ориентированы на модель превосходства. Поскольку любые университеты сильно зависят от своей собственной институциональной среды, то представление их стратегических планов в той или иной модели становится важным способом управления легитимностью. “Амбивалентность” влияния и силы глобальных академических рейтингов проявляется в том, что для обретения легитимности ведущие университеты как организационные акторы вынуждены лавировать между различными противоречивыми нормативными ожиданиями [38, с. 256-257].

В *тринадцатой главе*: “Пиллюля для одного человека – яд для другого: амбивалентность силы определения – случай с лекарствами от рака молочной железы в России” Елена Бердышева, обращаясь к деятельности крупных фармацевтических компаний, развивает идею о том, что рынки товаров первой необходимости способствуют экономизации политической жизни и тем самым производят как медицинские товары, так и культуру спроса на эти товары. Фармацевтические компании привлекают большие ресурсы для изобретения, тестирования и производства новых медицинских продуктов. Заболеваемость раком создаёт экзистенциальные проблемы выживания людей, ложится тяжелым экономическим бременем на всё общество и усугубляет социальное неравенство, не говоря уже о самой мучительной судьбе онкологических больных. Политика в отношении рака в европейских странах, отрицающих смерть, сталкивается с экзистенциальной проблемой амбивалентности жизни и смерти. Учитывая, что рак нельзя вылечить самыми дорогими таблетками, его распространение проблематизирует подчинение смерти медицинскому авторитету и апеллирует к государственной власти, которая использует медицину как инструмент социального контроля и властного управления. Государственные средства аккумулируются и направляются на те програм-

мы, которые улучшают качество жизни онкологических больных, включая средства психологической помощи, реабилитации и паллиативной помощи, развивая инфраструктуру для раннего выявления и профилактики рака. Лежащее в основе этой главы качественное эмпирическое исследование автора начинается с общей оценки эпидемиологической значимости в России создания биоаналогичной версии инновационного швейцарского препарата для лечения рака молочной железы. Национальная стратегия борьбы с онкологическими заболеваниями является одним из самых ресурсоемких направлений «Здравоохранение до 2030 года» в России. Это был первый документ в стране, в котором рак стал приоритетной проблемой общественного здравоохранения. Данная стратегия публично обещала направить дополнительные средства, выделенные на борьбу с раком, и на производство инновационных отечественных препаратов. Елена Бердышева в результате своих исследований выявила, что механизмы доставки этого препарата на рынок закупок лекарств были в значительной степени коррумпированными. Цель её исследования сместилась к выявлению принципов и основных носителей власти как определяющей силы, которой подчиняются акторы, и тех интересов, которые они преследуют и стремятся продвигать. Главная цель – продемонстрировать, что механизмы и принципы управления, которые подпитывают оптимистичную историю о российском аналоге эффективного швейцарского препарата для лечения рака молочной железы, способствуют лишь тому, что российская система здравоохранения всё больше отстает от аналогичных систем в развитых западных странах. Автор 13-й главы рецензируемой монографии демонстрирует, как и почему на уровне реальных практик это продвижение обеспечивается жёстким протекционизмом российских производителей в здравоохранении, которым управляет государство. Государственные органы в России определяют, “что хорошо, а что плохо” для борьбы с раком в этой стране. Для всех импортных препаратов, поступающих в систему здравоохранения, департамент государственного регулирования

обращения лекарственных средств настаивает на проведении дополнительных клинических исследований с российскими пациентами. Региональные клинические испытания приносят дополнительные деньги государственным комиссиям. Кроме того, они также повышают цену на импортные препараты, а цена является основным критерием отбора заявок в конкурсных торгах на рынке закупок. Иностранные препараты страдают от “правила «лишнего человека»”, когда при поступлении на закупочные торги не менее двух рыночных предложений из стран Евразийского экономического союза импортное лекарство отклоняется, тем самым рынок в итоге “монополизируется в нужном направлении”. Использование агрессивной и сдерживающей силы рекламы для продвижения “передовых”, но нежизнеспособных метафор лечения рака, подкрепленных фейковым рыночным успехом инновационных отечественных препаратов, при этом отсекая жизнеспособные альтернативные решения, ощутимо легитимизирует государственную власть, позволяя растрачивать государственные деньги по своему личному усмотрению. Елена Бердышева профессионально описала, как онкологическая политика в России становится инструментом расширения каналов сбыта российских противораковых препаратов. Она обсуждает “теневые стороны” (“shadowy sides”) фармакологической стратегии борьбы с раком, доказывая, что как на уровне российской онкологической помощи, так и на уровне современных тенденций стратегии, все фармакологические власти ориентированы на локализованное, автаркическое и очевидно затратное технологическое развитие. Как эмпирически, так и теоретически, в широком смысле исследование Елены Бердышевой призвано внести значительный вклад в научную дискуссию о роли создания смысла в конфигурации отношений власти и групповых интересов. “Мирские интересы” (“profane interests”) властных сетей в государственной российской системе, по её мнению, искажают смысловые условия национального проекта борьбы с онкологической заболеваемостью, резко принижая саму “священную основу” (“sacred basis”) легитимности

власти [20, с. 261-263]. Редко вообще обсуждается, что механизмы системы здравоохранения в распределении благ превратилась из “пирамиды” (“pyramid”) в “воронку” (“funnel”): у меньшего числа нуждающихся всё больше шансов на успех. Обосновывая национальное лечение рака на базе инновационного химиотерапевтического препарата, принимающие решения представители здравоохранения России выбрали модель лечения рака, критикуемую во всём мире, поскольку она основана на его позднем выявлении, обширных и дорогостоящих вмешательствах и короткой продолжительности жизни больных. Такая система здравоохранения, вольно или невольно, но вынуждена заниматься лечением запущенных случаев, потому что они стоят дороже, и система в итоге получает за них больше денег. Городские власти могут сказать: “Давайте вложим больше денег в раннюю диагностику рака”. Но ведущим предприятием в структуре министерства здравоохранения является онкологический центр – как специализированный институт. Однако и он никак не выигрывает от ранней диагностики рака, которая относится к амбулаторному этапу. Значительную пользу (выраженную в денежном эквиваленте) ему приносят сам процесс лечения и консультативная помощь. Лечение рака не начинается и не заканчивается химиотерапией. Это, по большому счёту, вообще очень сложная история. Сейчас в России клинический процесс нарушен и фрагментирован, и это выгодно лишь некоторым действующим лицам. Те, кто может себе это позволить, уезжают диагностировать рак и лечиться за границу. Елена Бердышева заканчивает свою главу афористичным выводом: “В России дорогая химиотерапия – отличный двигатель для автомобиля с квадратными колесами” [20, с. 273].

В *четырнадцатой* главе монографии “«Русский пармезан, даже лучше оригинала»: предварительное исследование стратегий оценки экологических фермеров” Тамара Кусимова изучила явные и неявные напряженности между глобальными и локальными уровнями развития на примере российских фермеров в условиях, когда для России были введены международные

санкции в отношении некоторых типов продуктов питания. Автор описала практики импортозамещения на примере новых отечественных брендов и их восприятие потребителями и производителями. По её мнению, в последние годы производство продуктов питания стало наиболее “медийной темой”, и многих людей очень сильно волнует, где и как производятся продукты, кто и какую от их производства получает прибыль. Исследователь описывает нелёгкую судьбу бывшего IT-менеджера Олега Сироты, который в 2014 г. продал свой бизнес, переехал в деревню, взял кредит, нанял двух беженцев с Украины и год спустя открыл маслозавод “Русский пармезан”. Олег Сирота прославляет политический курс Владимира Путина и обещает установить памятник Бараку Обаме и Ангеле Меркель за их санкции против России за то, что они создали так много возможностей для местных фермеров и гурманов. О. Сирота далеко не одинок в своей инициативе. По мнению Тамары Кусимовой, целое новое поколение индивидуальных фермеров-предпринимателей вынашивает амбиции по поводу ответа на вызовы импортозамещения. Их маркетинговый гений (“marketing genius”) привлек внимание многих людей со всего мира благодаря специфическому сочетанию патриотических пророссийских идей с концепциями экологически чистого предпринимательства и стиля жизни “назад к земле” (“back-to-the-land lifestyles”). Ключевую особенность, которую О. Сирота разделяет со своими западными коллегами, является акцент на аутентичности: продукты, которые он производит, уникальны. Они полностью российские несмотря на то, что выглядят как заменители ныне недоступного итальянского пармезана и других импортных товаров. Стратегии оценки формируются с помощью специфического культурного репертуара – наборов символов, ассоциаций и коллективных символических репрезентаций, которые в качестве популярных представлений соединяют, например, традиции русского купечества и ассоциацию современных фермеров. О. Сирота написал у себя в блоге: “Наши сыры – на Красной площади! Каждый раз, находясь здесь, рядом с

прилавком, я испытываю фантастическое чувство принадлежности к крестьянам и торговцам, которые сотни лет привозили свои товары, сыры, колбасы, хлеб. Получается, что мы продолжаем их славные традиции; нам есть чем гордиться и не должно быть стыдно за наших прадедов!” [30, с. 289]. В конце августа 2021 г. после длительного периода санитарных ограничений от covid-19, состоялся фестиваль фермерских продуктов: “Сыр! Пир! Мир!”, который проходил в окрестностях Москвы (не на Красной площади, как можно было бы ожидать). Главным организатором, PR-менеджером и ведущим был как раз О. Сирота. Местные производители сыра, мёда, молочных продуктов и традиционных блюд русской кухни стремились выделиться среди крупных компаний-спонсоров (напр. “Золотая балка”). Ключевым гостем первых дней фестиваля стал Андрей Воробьёв, губернатор Московской области. Описанная ситуация иллюстрирует двойственность, структурно заложенную в производстве подлинно органических продуктов питания. По мнению Тамары Кусимовой, с одной стороны, здесь “позиционная ценность”, которая сигнализирует потребителям о “надлежащих ценностях” продуктов, может приобретаться путём противостояния крупным структурам агропромышленного производства; аутентичность в российском случае представляет собой символическую оппозицию структурной мощи корпоративного капитализма и государства, которые тесно взаимосвязаны и составляют то, что называется “системой” у Юргена Хабермаса в конструкции “жизненного мира” [26]. С другой стороны, в рамках той же базарной площади среди представителей крупной “Акционерной финансовой корпорации (АФК) “Система” довольно легко можно достичь значительных коммерческих результатов, включая жизненно важный доступ и к новым рынкам, и к новым полкам крупных ритейлеров. По мнению Тамары Кусимовой, само существование “ранее невообразимых” продуктов, таких как “Русский Пармезан” (“Russian Parmesan”), может явно озадачить читателей 14-той главы рецензируемой монографии. Она хотя и как бы опровергает саму себя (см. тезис по поводу существования

“ранее невообразимых” продуктов, таких как “Русский Пармезан”), тем не менее считает это особым достоинством своей рекламной стилистики, потому что, по её мнению, подобного рода “деконструкция аутентичности” показывает, как разные культурные репрезентации, популярные в настоящий момент, становятся средством увеличения стоимости продукта и роста коммерческой прибыли и необходимым инструментом в переговорах с государством и другими структурами, встроенными в систему распределения ресурсов на рынке. В более широком контексте это целое маркетинговое открытие, которое позволяет обогатить наше понимание такого явления, как “сельский популизм” в странах Центральной и Восточной Европы. Фермеры могут использовать патриотическую и националистическую риторику даже не столько из-за своих политических взглядов, сколько потому, что так “работает рыночная власть”: рассчитывая на государственную поддержку, нельзя не быть патриотом. Рассматривая потребительский рынок как многоликую арену социальных взаимодействий, настроенную на взаимную координацию, фермеры используют разные стратегии для обогащения и общения с потенциальными заинтересованными сторонами, включая многих клиентов разного уровня, таким образом повышая символическую ценность своих продуктов. Первая стратегия, которую называют ностальгическим перформансом, относится к построению уникальности через отсылки к символическим представлениям о русском наследии и русской культуре. Вторая стратегия заключается в проведении символических границ между уникальными фермерскими блюдами, питающими организм человека, и продуктами массового производства, связанными с промышленными цепочками поставок. В построении истории о таких продуктах и их рыночной среде качества важны потому, что приписывание ценности определенному продукту означает сравнение его с другими. По мнению Тамары Кусимовой, её респонденты регулярно делали это тогда, когда вводили грани между советским и российским, местным и глобальным, массовым производством и конкретной

рыночной нишей. В таких старых социальных контекстах преемниками советского массового производства стали агропромышленные холдинги, которые контролируют большие части рынков и от которых отдельные фермеры отличаются лишь на символическом и практическом уровнях, при этом формируя отдельную рыночную нишу. Ситуации такой сильной взаимной зависимости порождают “амбивалентность” как способность включать “противоречивые установки” и “прагматическое двоемыслие” [30, с. 293-294].

В пятнадцатой главе “Повседневная политика потребления: почему циничные потребители — это разочарованные граждане – пример Москвы во время экономического кризиса 2014-2017 гг.” автор Регина Решетева показывает, как конечные потребители реагировали на постоянное повышение розничных цен крупными рыночными продавцами в условиях экономического кризиса 2010-х гг. Используя качественные методы анализа, исследователь выявила схемы интерпретации, на которые полагаются обычные потребители, а также нюансы потребительского восприятия. В интервью находятся культурные проекции на макроуровне: на основе личных историй всегда можно выявить коллективные смыслы, к которым апеллируют информанты. Потребители себя идентифицировали как явно обездоленные и явно ущемленные стороны, не имеющие никакого контроля над ситуацией. При этом они не участвовали ни в политических протестах, ни в экономических бойкотах. Вместо этого они проявляли своеобразный потребительский цинизм и искали способы не быть обманутыми рыночными продавцами. Их массовая низовая практика вела к частичному отрицанию власти доминирующих участников рынка. В 15-й главе монографии автор наглядно продемонстрировала, что ни категории политического протеста на макроуровне, ни способы преодоления кризиса не могут объяснить более тонкое политическое обоснование в жизненном мире потребителей. Вместо этого, используя более гибкие рамки прагматичной политики, она пожелала увидеть “хитросплетения амбивалентности” власти в восприятии потребителей. Своё

понимание “многомерной природы амбивалентности” (“multidimensional nature of ambivalence”) Регина Решетева охарактеризовала с точки зрения потребителей, особенно подчёркивая то, как именно государство и рынок провоцировали эту “амбивалентность”. Она попыталась ответить на следующие сложные вопросы: Как потребители воспринимают связь между повседневным жизненным опытом и политическим и социальным порядком? Как потребители рационализируют нарушения на рынке во время кризисов? Почему и каким образом политические заявления и оценки власти появляются в повседневной жизни потребителей? Используя качественные данные, автор главы представила интерпретации политических аспектов потребительского опыта в период 2014-2017 гг., предложив для оценки социокультурный контекст, который способствовал формулированию этих представлений. Опираясь на философские размышления по поводу “циничного разума”, она предложила категорию “потребительский цинизм”, поскольку она отражает как подозрительность, так и разочарование, провоцируемые непрозрачностью рыночных сделок (разные цены на одни и те же товары, низкое качество товаров, работ и услуг), обманом или негативным опытом (переплата, покупка явно некачественной продукции) [43, с. 311]. “Амбивалентность цинизма”, по её компетентному мнению, проистекает из одновременного знания того, что вас могут обмануть, и незнания того, когда это произойдет. По данным её интервью было сделано ценное наблюдение: готовность быть обманутым натурализуется как неотъемлемая часть рыночного пространства среди потребителей. В некоторых случаях это можно интерпретировать в терминах эмоций, но также это зачастую принималось как данность в отношении того, как всё устроено, без какого-либо эмоционального осуждения. Таким образом, потребительский цинизм не обязательно является недостатком, но может работать как когнитивный защитный механизм. “Готовность к обману” позволяет потребителям инстинктивно чувствовать себя защищёнными. Но принятие “циничной точки зрения” подразумевает определённую напря-

женность между представителями “гегемонов” и “угнетаемых”. В анализе этой ситуации было обнаружено, что потребительский цинизм влечёт за собой у потребителей, как правило, осознание роли жертвы.

Потребительский цинизм отражает подчинение власти и признание имманентной возможности обмана. Этот дисбаланс власти не означает, что потребители не пытаются бросить вызов такой иерархии. В любой рыночной сделке они сами себя воспринимают как сторону, находящуюся в невыгодном положении. Чувствуя себя незащищенными, в проведённом исследовании они приравнивали бездействие к капитуляции. По их мнению, если известно, что игра фальсифицируется (подделывается), то, чтобы сохранить свой социальный статус и свести к минимуму возможный вред, потребители должны действовать, активно сопротивляясь разнообразным искажениям, подделкам, имитациям, подтасовкам. Таким образом, потребительский цинизм отвергает подчинение и отрицает принятие амбивалентной ситуации, когда следует лишь повиноваться. Это своеобразный процесс “смены власти”, который указывает на двойственность воспринимаемого положения потребителя на рынке. В концептуальном плане дефиниция “потребительский цинизм” провоцирует как защитные, так и творческие формы к активному сопротивлению. Регина Решетева считает, что “потребительский цинизм” как повседневная политика потребления – это способ формирования потребительского восприятия их взаимодействия с ключевыми участниками рынка. Асимметрия, существовавшая на рынках в советское время в пользу продавцов, по её мнению, в настоящее время до сих пор так и не исчезла, несмотря на плавный переход к рыночной экономике.

Несмотря на то, что потребители в России обладают гораздо большей властью по сравнению с советским прошлым, они всё ещё считают себя жертвами или потенциально обездоленными сторонами. Эта амбивалентность власти объясняет, почему российские потребители не бойкотируют продукты или не покупают товары в той же степени интенсивности и так же эффективно,

как на Западе, а ищут способы “хотя бы не быть обманутыми”, их проактивность и креативность идут в совершенно ином направлении мысли и действия. Если оглянуться назад, можно проследить структурные сходства, которые способствуют пониманию потребительского цинизма в России. В советской культуре и литературе трикстер (обманщик, ловкач) – это персонаж, вызывающий восхищение, он использует хитрость, двоемыслие, мимику, цинизм для того, чтобы пережить испытания повседневной жизни. Все эти экстремальные качества и практичны, и необходимы обычным советским людям, которые стояли в многочисленных очередях за продуктами первой необходимости или приобретали товары и услуги через неформальные обмены [32]; они были вынуждены “крутиться”, чтобы “просто выжить”. В советское время бытовал жизненный афоризм: “хотя в магазинах пусто, зато холодильники полны”. В наше время многие исследования в области маркетинга утверждают, что защитный потребительский цинизм следует рассматривать как психологическую стратегию преодоления, позволяющую защитить себя от корпоративных средств убеждения и насаждения своих идей, часто “отзеркаливая ненужное”. Все эти психологические и институциональные особенности отличают российского потребителя от западного. Регина Решетева утверждает, что современный потребительский цинизм вовсе не является местным средством противодействия чрезмерному убеждению со стороны розничных торговцев или рекламному хаосу. Она уверена в том, что в современном российском контексте потребительский цинизм имеет более глубокую онтологическую природу, проистекающую из асимметрии власти на рынке и статус-кво продавцов. Рассуждения в разнообразных циничных форматах позволяют потребителям сохранять выдержку, которая побуждает их держать открытыми любые возможности и стремиться избегать “ловушек неудачи” (“traps of failure”). Сама мысль: “Я так и знал!” (“I knew it!”), а в стилистике Виктора Черномырдина: “никогда такого не было, и вот опять”; “хотели как лучше, получилось, как всегда”, даёт чувство безопас-

ности и готовности к активной защите даже в случае разочарования. Российские потребители приспособляются к кризисам, упрощая расходы и полагаясь на государственную поддержку. Авторские изыскания показали, что Регина Решетева попыталась проблематизировать идеи амбивалентности с точки зрения повседневного потребительского опыта и знаний, когда пристальное внимание уделено восприятию потребителей и задействованных ментальных схем интерпретации этих процессов. Бессилие, связанное с финансовым кризисом, объяснялось ограниченными возможностями, ограниченностью свободы действий и отсутствием контроля над ситуацией. В то же время люди понимали, как экономические кризисы постепенно становятся рутиной.

Всё это вовсе не означало, что проявления кризиса стали незаметными. Люди использовали наиболее “удобные” элементы рыночной реальности для её переосмысления: они в негативной стилистике рассказывали о воспринимаемой ценовой несправедливости и вине игроков рынка, которые манипулируют ею. Амбивалентность власти проявляется здесь как способ потребительского цинизма. Потребительский цинизм отражает как разочарования, накопленные в результате предыдущего опыта, так и подозрительность по отношению к новым возможным испытаниям. Потребители действительно ожидают помощи от государства, особенно в случаях по причине негативной динамики власти, но наряду со спросом на безопасность приходит разочарование от осознания её отсутствия.

Подверженность рыночному риску и готовность столкнуться с обманом могут быть истолкованы как неспособность государства защитить своих граждан или обеспечить социальный порядок. Защитные механизмы потребительского цинизма основаны на том, что потребители часто видят абстрактные вещи в обыденных вещах, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни, что позволяет проследить компоненты “амбивалентности власти” на уровне повседневности. Изменения цен или качества продукции могут использоваться в качестве ори-

ентира для политических оценок. Таким образом, практический потребительский цинизм, как считает Регина Решетева, может “легко привести к отрицанию политической сферы” (“can easily lead to a disavowal of the political realm”) [43, с. 310–311; 43, с. 317]. На наш взгляд, это, разумеется, в высшей степени сильное заявление, как говорится, “ничем не сдерживаемый крик из недр своей души”, который требует соответствующих операционализаций, опосредования, научных верификаций, а также практических доказательств.

В *шестнадцатой главе* “Роды с акушерскими доулами в Москве: между расширением возможностей полномочий и ответственностью” Маша Денисова исследует амбивалентный характер отношений между будущими матерями и доулами – специалистами в области родовспоможения, аккуратно и грамотно продвигающими естественные роды и поддерживающими голоса будущих матерей в системе охраны материнства в России. Маша Денисова объясняет, что проблема актуальности поддержки доул в России в западном контексте имеет особое значение потому, что она указывает на возможности женской свободы действий и интенсивное материнство и показывает, как хорошо информированный выбор матерей и ответственное поведение получили статус “институционально предписывающих” и как эти социально-биологические нормы присутствуют в решениях о родах. Маша Денисова отмечает, что сам сдвиг в сторону де-медиализации родов и пересмотра того, что считается “нормальными” родами в западном контексте произошел ещё в 1970-х гг., когда в Северной Америке возникло современное движение доул. Оно происходило от традиционной практики родов, когда роженицу сопровождали другие женщины, а организации и технологии по родовспоможению появились для того, чтобы представлять обширные права будущих матерей и переопределять существующие биомедицинские практики родов. Такой подход принципиально поощряет ориентацию на пациента, а в изучении процессов родов подчёркивается, что услуги по “естественным” родам обычно являются коммерческими предприятиями и не обязательно расширяют возможности

женщин. В РФ появились частные акушерские центры, специалисты по лактации и доулы. Маша Денисова считает, что хотя основные исследования этой проблемы были проведены в западном контексте, всё ещё не хватает понимания того, как коммерческие услуги, связанные с “более естественными” родами, действуют в других культурных и политических контекстах. Её исследование представляет, каким образом доулы, будучи новыми специалистами по родовспоможению, поддерживают голоса будущих матерей в российском родовспоможении. В отличие от профессиональных врачей и акушеров, устанавливающих одностороннюю власть над пациентами, доулы осуществляют свой профессиональный авторитет, расширяя шансы женщин и повышая их контроль над родами, но не заставляя их соглашаться с профессиональным опытом и мнением доул, пропагандирующих естественные роды [25]. Доулы – это женщины, которые профессионально обучены оказывать непрерывную эмоциональную, физическую и информационную поддержку женщинам во время беременности и родов. Расширение прав, шансов и многих возможностей на более лёгкий благоприятный исход матерей рожать с помощью доулы выглядит двойственно. Доулы, с одной стороны, выступают за эмансипацию (раскрепощение), женскую направленность процесса деторождения и расширение прав и возможностей; но с другой – одновременно перекладывают на женщин ответственность за принимаемые ими решения. Хотя помощь доул не признана институционально, она поднимает вопрос о стабильности расширения прав и возможностей матерей. Несмотря на многочисленные реформы здравоохранения, роды по-прежнему в России и медиализированы (связаны с расширением медициной своих границ, при котором обычные, часто не связанные с патологией человеческие ситуации, рассматриваются как медицинская проблема, становятся объектом лечения и профилактики) и бюрократизированы (сопряжены с дефинициями власти канцелярии, казёнщины и коррумпированности – и часто “в одном флаконе”). Исследования Маши Денисовой по-

казывают, что в российских государственных родильных домах преобладают “конвейерные сборки”, когда женщины не получают в целом ни должного ухода, ни эмоциональной поддержки [25, с. 321]. По её мнению, появление доул стало ответом на желание женщин получить больше контроля над родами, над своим телом и телом своего ребёнка. Исследования поддержки доул при родах дают уникальную возможность увидеть амбивалентность власти в действии и её потенциал, в том числе для внесения изменений в существующие структуры здравоохранения. Как она считает, амбивалентность может быть источником социальных изменений, поскольку она ведет к переговорам и снимает в конечном счёте напряжённость между действующими лицами. В этом смысле профессиональная поддержка доулы способствует изменению существующей иерархии между будущими матерями и врачами, способствуя расширению прав и возможностей матерей. В интервью с доулами, как утверждает автор 16-й главы, она слышала много историй об унижениях и медицинском насилии по отношению к их клиентам, особенно в государственных больницах во время родов. Объясняя, почему такие ситуации были широко распространены, многие доулы ссылались на недостаточность российской системы охраны материнства, главным образом на нехватку медицинского персонала, их длительные смены и чрезмерную бюрократизацию клинической практики. Доулы сочувствовали тому, насколько тяжелой была работа медицинского персонала, особенно акушеров, которые, по их мнению, сильно страдают от эмоционального выгорания, низких зарплат и обесценивания смысла своей работы. В то же время многие доулы настаивали на том, что медицинские работники могут и должны пересмотреть свою повседневную практику и относиться к женщинам с большим состраданием и уважением. Помогая женщинам в государственных больницах, доулы стремились бросить вызов “культуре унижения” (“culture of humiliation”) по отношению к женщинам, которая стала неотъемлемой частью системы доминирования и контроля над пациентами в постсовет-

ском здравоохранении. Официальная система здравоохранения терпимо относится к поддержке доул и включается в работу больницы (например, волонтерские проекты доул, больницы, нанимающие доул). Тем не менее ещё остаются многие вопросы, требующие дальнейшего социологического изучения, а именно: может ли неформальная поддержка, предлагаемая доулами, подорвать всё ещё бытующую в постсоветских больницах культуру горьких пилюль и унижения достоинства, повисить осведомлённость о потребностях женщин. Профессиональная работа доул, безусловно, должна быть признана и институционализирована – с тем, чтобы внести какие-либо позитивные улучшения в содержание ухода за беременными женщинами [25, с. 336-337].

В семнадцатой главе “Расширение прав и возможностей обездоленных: оценка влияния молодых москвичей с помощью экологических практик” Дарья Лебедева хорошо обобщает, какими именно способами современная российская молодёжь, будучи бессильна в доминирующем политическом дискурсе, вовлекается в экологические движения и призывает к защите окружающей среды. Молодые москвичи, проявляя заботу об ухудшающейся окружающей среде, пытаются сохранить тем самым контроль над своим личным и глобальным будущим, выражают и защищают свои гражданские права. Актуальность экологической проблематики не вызывает вопросов, поскольку за последние несколько десятилетий проблема деградации окружающей среды приобрела особое значение в глобальном общественном дискурсе, когда государства, международные организации и широкая общественность заявили об острой злободневности экологических проблем. Россия не является исключением, поскольку, согласно опросам общественного мнения, около половины населения считает, что общая экологическая ситуация в мире и в России, и особенно по месту их проживания, только ухудшается. Последние экологические катастрофы делают необходимость природоохранных действий ещё более острой. Участие в неоднозначной экологической повестке дня становится для них инструментом расширения

прав и возможностей, включая сферу политического представительства. Однако в отношении заботы о себе и окружающей среде россияне, в отличие от населения большинства развитых стран, склонны к патерналистским моделям поведения. Описывая современную экологическую политику, Дарья Лебедева демонстрирует, что эта политика остаётся на самом деле на дальней периферии политических и общественных дебатов, а сами факты обсуждения экологических проблем представляют собой скорее поле борьбы за власть как в политической, так и в социально-экономической сферах, чем реалистическое решение проблем экологии. Согласно оценке экспертов, перспективы экологической модернизации ограничены, заявленные правительством цели в области экологии и устойчивого развития расплывчаты, носят символический характер, следуя прежней промышленной логике. Реализация экологической политики отстает от того, что, по мнению отдельных учёных и практиков, необходимо делать для заботы об окружающей среде, и не соответствует ожиданиям населения, даже несмотря на то, что Россия ратифицировала ряд международных программ и соглашений. Поскольку имеется разрыв между имитационным отношением отдельных лиц, принимающих решения, по экологической проблематике и тем реальным значением, которое придает ей население, то согласно автору главы, природоохранные практики кажутся противоречивыми и маргинальными, тем самым сохраняя глубокий разрыв между глобальным социальным дискурсом по экологическим проблемам и реальной реализацией природоохранной политики в России [31, с. 343]. В современных рыночных обществах экологическое потребление становится важным средством участия в проэкологическом поведении. Модели “зеленого потребления” – это отказ от жёсткого консюмеризма (“consumerism”), подвергающего экологические системы рискам разрушения, сведение к минимуму производство отходов, выбор определенных брендов, совместное использование экономики и бойкот определенных товаров или брендов. Эти и им подобные модели “зеленого потребления” дают

отдельным лицам право голоса и возможность лично влиять на экологическую повестку дня. Благодаря своему экономическому поведению потребители приобретают статус “граждан-потребителей”, выражая свои личные убеждения, установки и положение в социальной структуре в отношении экологической повестки.

Исследование Дарьи Лебедевой чётко показывает и объясняет, почему молодые люди всё ещё занимаются повседневными экологическими практиками, хотя в современных условиях это явно убыточное и социально неэффективное дело в общем смысле слова. Для выявления обоснований и объяснений повседневных экологических практик автор 17-й главы применила качественную методологию. Её ключевая идея состоит в том, что забота “экологически ориентированных молодых людей” об окружающей среде и их участие в экологических практиках являются важными компонентами их идентичности. Она предположила, что экологическая деятельность создает поле символической борьбы за власть, в котором молодые люди могут объявить заботу об окружающей среде важной общественной проблемой и проявить свои личные интересы, установки и гражданскую позицию. Для проверки и оценки своей гипотезы Дарья Лебедева использовала такие характеристики, как “диапазон экологических практик” (раздельный сбор мусора, ноль отходов, волонтерство в экологических организациях) молодых людей, проживающих в Москве. Для набора участников опроса она использовала социальные сети “ВКонтакте” и “Facebook”. В качестве отправной точки для привлечения людей, занимающихся экологическими практиками, Дарья Лебедева рассмотрела обсуждения и посты на экологические темы на публичных страницах и в группах. Чтобы избежать систематической предвзятости при сборе обоснований успешных практик, выполняемых людьми, активными в социальных сетях, участники опроса набраны из знакомых первоначальных респондентов. На этапе отбора респондентов, спрашивали о практиках, которые они фактически выполняли, чтобы уточнить интенсивность и тип осуществляемой экологической деятельности. В опрос

были включены специалисты в сфере природоохранного государственного управления; всего было проведено 25 интервью. Результаты показали, что молодые люди оказываются в двойственном состоянии при выполнении природоохранных практик. С одной стороны, они хорошо чувствуют актуальность решения экологических проблем и заинтересованы в том, чтобы вносить свой вклад; с другой стороны, они ощущают отсутствие поддержки со стороны государства, что обесценивает их практические попытки. Более того, сами экологические практики данного типа очень неоднозначны в их повседневном опыте. С одной стороны, они политически нейтральны, оправданы морально как забота об окружающей среде, прагматичны как обеспечение будущего благополучия; с другой стороны, поскольку молодые москвичи, заботящиеся об окружающей среде, имеют ограниченные возможности выражать гражданские и особенно экологические требования и продвигать свои интересы в политическом поле, простые повседневные практики становятся формой расширения прав и возможностей гражданского представительства “официально бесправных”. Результаты исследования показывают, что защита окружающей среды есть очевидная политическая проблема, и молодые люди используют аргументы в защиту окружающей среды для формулирования своих гражданских требований. В своей повседневной экологической практике они берут на себя ответственность за глобальное и свое личное будущее, заявляют о моральных принципах и отстаивают свои гражданские и политические позиции [31, с. 348]. По её мнению, властные отношения в экологической области порождают амбивалентность у тех, кто имеет ограниченный доступ к ресурсам и статусу; чем жестче социальная структура, тем сложнее бессильным выразить себя.

Их намерения амбивалентны, они колеблются между необходимостью подчиниться доминирующему способу власти и желанием противостоять ему, чтобы реализовать свои устремления. В концептуальном плане “на уровне должного”, однако, саму власть следует концептуализировать в широком смысле слова

в том плане, что помимо традиционной “власти над” (“power over”) как механизма принуждения индивидов к повиновению, действующие лица могут также проявлять свою собственную волю и идентичность как выражение измерения власти “освобождающего, дающего способность к действию” (“emancipatory, giving capacity to action”); и более того, поскольку индивиды коллективно участвуют в решении важных задач, они совместно осуществляют “власть с” (“power with”), “действуя согласованно с другими” (“acting in concert with others”). Эта архитектура как обобщённая ментальная структура объединяет различные концептуализации властных отношений. Соответственно, экологическая активность понимается как совокупность проэкологических установок и действий индивида, представляющая собой экологический образ жизни, который организует экологически чистые наклонности, вкусы и практики в целостный “экологический габитус” (“ecological habitus”) и вовлекает социально изолированные группы в политики “зелёного выбора” (“green choice” policy). Однако переосмысление и критика политики “зелёного выбора” показывает, что последняя преувеличивает влияние индивидуальных действий на экологическую повестку дня, и всё это перекладывает значительную часть ответственности за провалы рынка и решения в области экологической политики на отдельных лиц. Следует в целом согласиться с Дарьей Лебедевой в том, что внедряемые политики “зелёного выбора” есть механизмы повышения ответственности, однако они должны активно поддерживаться государством. Ответственность распределяется между социальными субъектами, которые занимают свои ниши в экологическом дискурсе и коллективных действиях. Сосуществование различных мотиваций, амбивалентность и распределение власти на местах могут создавать противоречия и столкновения в понимании индивидами своей деятельности. Обоснования экологических практик могут не противоречить, а дополнять друг друга, вместе способствуя природоохранной деятельности и переопределяя власть в этой области [31, с. 344-346]. Несомненным достоинством

17-й главы является то, что её автор полагается на интерпретативную парадигму социального анализа и фокусируется на том, как именно те или иные люди понимают, идентифицируют и применяют определенные экологические практики, которые оказывают природоохранное воздействие на окружающую среду. Этот подход охватывает весь спектр повседневных практик, которые обычно воспринимаются отдельными людьми как нечто само собой разумеющееся, выходит за рамки формального представления о заботе об окружающей среде и показывает, как эти практики узаконены и институционализированы [31, с. 348].

ОБСУЖДЕНИЕ

Говоря в целом, постановка вопроса об амбивалентности власти как новой социологической парадигме сама по себе содержательно и противоречива, и амбивалентна. О чём идёт речь?

Речь идёт о том, что в итоге произошла “смысловая подмена понятий”, а именно: дефиниция области психиатрии стала научной дефиницией экономической социологии, с помощью которой “объясняется всё”. Любое противоречивое явление – это “амбивалентность”. Всё, ярлык навешен. С его помощью объясняется “всё ни о чём” и “ничего обо всём”. Более того, идеолог и автор этого подхода Алёна Леденёва начинает своё *Введение* к монографии словами: “Амбивалентность – это ключевое измерение сложности” [31, с. 20], чем сразу ввергает в недоумение более или менее искушённого читателя. Дело в том, что “сложность” – это научная теория, утверждающая, что некоторые системы демонстрируют феномены поведения, которые совершенно необъяснимы с помощью любого обычного анализа составных частей систем, то есть “сложность” – это совсем “другая” научная теория, нежели “амбивалентность”. Если изначально стали высказываться о “сложности”, то надо было хотя бы дать определение этой дефиниции и подчеркнуть, что термин “сложность” обычно используется для характеристики чего-либо, состоящего из многих частей, когда эти части взаимодействуют друг с другом множе-

ством способов, достигая высшей точки в более высоком порядке возникновения, и большем, чем сумма его частей. Изучение этих сложных взаимосвязей в различных масштабах является главной целью теории сложных систем. Сложность “характеризует поведение системы или модели, компоненты которой взаимодействуют разными способами и следуют локальным правилам, что приводит к нелинейности, случайности, коллективной динамике, иерархии и эмерджентности” [29]. Если исходить из этого общенаучного определения “сложности”, то “амбивалентность” здесь как бы ни при чём.

Наш критический порыв связан с тем фактом, что научный ресурс амбивалентности впервые появился в психиатрических исследованиях, в то время как для рецензируемой книги в предметные области её содержательного охвата попали в первую очередь экономическая социология, экономика и политическая экономия, за которыми последовали антропология, менеджмент, политология, история, психология, право и также многие междисциплинарные области. В этом контексте мы согласны с оценкой польского социолога Малгожаты Сикорски в том, что “трудно не заметить, что категория амбивалентности, введённая в социологию более полувека назад и “реактивированная” (как структурная амбивалентность) в первом десятилетии XXI в., не сделала головокружительной карьеры в социальных науках” [46, с. 107]. Цель этого отзыва – используя высокий эвристический потенциал монографии “Амбивалентность власти в экономике двадцать первого века: примеры из России и других стран” (издание 2022 г.) под редакцией Вадима Радаева и Зои Котельниковой, показать не только достоинства, но и недостатки рецензируемого издания, что предполагает используемый научный жанр “критических размышлений”.

Напомним, что отцом понятия амбивалентность является швейцарский психиатр профессор Эйген Блейлер (Eugen Bleuler), который ввёл его в научный оборот 24 апреля 1908 г., когда прочитал в Берлине публичную лекцию на собрании Немецкой психиатрической ассоциации [23; 22; 16]. Сам термин амбивалентность (от лат. “ambo” —

“оба” и “valentia” — “сила”) идентифицировался и понимался им как расщепление отношения чего-либо к чему-либо, в особенности двойственность переживания, выражающейся в том, что один и тот же объект вызывает у индивида одновременно два диаметрально противоположных чувства, что было им изначально определено как ключевой компонент медицинского симптома шизофрении. Он различал три вида амбивалентности: (1) “аффективную” (эмоциональную), означающую, например, одновременное чувство любви и ненависти больного к одному и тому же лицу, в общем случае означающее одновременно и позитивное и негативное чувство к человеку, предмету, объекту, событию; (2) “волевую”, или “добровольную” (от нем. “Ambivalenz des Willens; Ambitendenz”; зависимый от воли), понимаемую как очень долгие колебания между противоположными решениями при совершении одновременно несогласованных действий и возникающую из-за противоречивых желаний — в этом контексте автор описал, в том числе, поведение больного, который чувствует голод и совершает действия, направленные на то, чтобы что-нибудь съесть, но не заканчивает их и начинает переживать из-за чего-то другого; в общем случае это означает невозможность принять какое-то волевое решение и сделать решительный выбор между альтернативами (согласно научной метафоре “Бурданова осли”, который не мог выбрать стог сена из двух одинаковых по восприятию); это приводит к отказу от принятия решения вообще; (3) “интеллектуальную” (“познавательную”) амбивалентность, которая возникает, например, когда “больной говорит на одном дыхании: “Я — доктор А.” и “Я — не доктор А.”, в общем плане означающее чередование противоречащих друг другу неиссякаемых суждений и утверждений и бесконечное варьирование взаимоисключающих идей [22, с. 43]. На основании своих исследований, Е. Блейлер разработал теорию “4а”: “associations” (their violation) / “ассоциации (их нарушение), “affect” (inadequate) / “аффект” (неадекватный), “autism” (autistic thinking and / or behavior) / “аутизм”, (“аутистическое мышление” и / или “аутистическое поведение”), “ambivalence” / “амбивалентность” [16, с. 95]. Как расщепление

личности амбивалентность выступала главным стратегическим симптомом, которую он и посчитал основным признаком шизофрении, шизоидности вообще [51, с. 153].

К тому времени была известна концепция о единстве и борьбе противоположностей Гегеля, идущая от Гераклита, Сократа, Платона, Зенона и Аристотеля, трактуемая как “всеобщий закон действительности и ее познания мышлением”, выражающий суть, “ядро” диалектики. Исходя из предпосылки, что любой объект заключает в себе противоположности, под которыми понимают моменты или “стороны”, проходящие по цепочке: тождество — различия — противоположности — противоречия — разрешение противоречий — новое тождество (единство), всё это можно отнести и к дефиниции амбивалентности. В философской проблематике способы мышления, исследующие противоречия и их связи (“амбивалентности”), интерпретировались по-разному: общее учение о становлении и вечной изменчивости бытия (Гераклит); искусство диалога для постижения истины путём постановки точных наводящих вопросов и методичных ответов на них (Сократ); метод обособления и связывания понятий с целью постижения идеальной сущности вещей и процессов (Платон); наука, исследующая субстанциональные и реляционные положения “общих мест”, которые включали в себя сущность, состояние и отношения (Аристотель); диалектика — учение о совмещении противоположностей (Николай Кузанский, Джордано Бруно); антиномии — способ разрушения иллюзий человеческого разума, который, стремясь к целостному и абсолютному знанию, тем не менее, всегда запутывается в противоречиях (Кант); диалектика — всеобщий метод познания противоречий как внутренних движущих сил развития бытия, духа и истории (Гегель). Эти противоречия находятся в неразрывном единстве, взаимно исключают друг друга не только в разных, но и в одном и том же отношении, то есть взаимно проникают друг в друга. Если уже есть одна дефиниция — диалектика, то зачем вводить другую — амбивалентность, причём

не как субститут (заменитель), а как исходную базовую категорию?

На наш критический взгляд, Алёна Леденёва, формулируя концепцию рецензируемой книги, “немного путается” в точном определении дефиниции “амбивалентность”. Например, она пишет: “амбивалентность определяет ситуации сосуществования тезисов и антитезисов без уверенности в их синтезе, но и без неопределённости в том, что представляют собой вместе сосуществующие категории, установки и убеждения”; “самая короткая формула для понимания амбивалентности — тезисы, антитезы, никакого синтеза” ... “противоположности известны, но результат их конфликтного напряжения не сходится. Колебательный паттерн непредсказуем вне определенного контекста и не может быть оценен вероятностно” [31, с. 21; 31, с. 22]. Это довольно спорные, весьма дискуссионные утверждения, операциональные определения которых ещё только ожидают своего будущего развёртывания. Вместе с тем надо признать сильный конструктивный позитив в том, что разработка наиболее конкретной “субстантивной амбивалентности”, которую предложила Алёна Леденёва, стала следствием её теоретического итога, который она достигла после эмпирического открытия новой экономики, которую она обозначила как так называемую “экономику покровительства” (англ. “economies of favours”). Детальное теоретическое исследование началось с эмпирического изучения “блата”, понимаемого как использование личных связей для достижения своих целей путём создания разнообразных связей, социальных сетей общения, неформальных обменов ценными ресурсами и полезными услугами [32]. Во всех этих случаях обмены услугами являлись несколько двусмысленными и уклончивыми, и поскольку в их основе всегда были какие-то двойственные отношения, то отсюда появился и сам термин “амбивалентность”. Для его предельно достоверной идентификации, операционализации и верификации, на наш взгляд, нужно вновь вернуться к его предтечам — социологической истории — с учётом накопленных знаний и потому с наиболее точными современными акцентами в понимании многих нюансов и деталей.

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АМБИВАЛЕНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Большинство социологических попыток использовать амбивалентность в своих научных целях начинается с теоретика мирового уровня Роберта Мертон, который уделил ей больше, чем кто-либо другой, своего систематического внимания. Термин “социологическая амбивалентность” в научный оборот им был введён совместно с Элиной Барбер [36; 37]. Само происхождение термина “амбивалентность” проистекает из психологии и психиатрии, им это было хорошо известно, они ссылались на Евгения Блейлера и Зигмунда Фрейда, которые в своих трудах развивали концепт “психологической амбивалентности”. Р. Мертон и Э. Барбер, указывая на источники своего вдохновения по поводу разрабатываемой ими новой теории амбивалентности, перечислили все ключевые идеи Е. Блейлера [23; 22] и интерпретировали три предложенных им типа – но уже с социологической точки зрения. Они подчеркнули, что анализ амбивалентности в психологических терминах, относящийся к “внутренним переживаниям и психическим механизмам” игнорирует тот факт, что компоненты амбивалентности “встроены” в социальные контексты и в социальную обусловленность [36, с. 4]. В отличие от чисто психологического подхода, социологический подход должен ориентироваться на исходные первоисточники амбивалентности, “встроенные” (“включённые”, “внедрённые”, “заложенные”, “вмонтированные” — от англ. “embedded”) в структуры статусов (позиций) и ролей, и социологический подход должен постигать реальные последствия функционирования амбивалентности как для социальной структуры, так и социальных отношений. Психологический и социологический подходы, по их мнению, в своих экзистенциальных основах не конкурируют и не должны конкурировать друг с другом, они должны обеспечивать взаимодополняющие способы изучения действительности. Р. Мертон и Э. Барбер посчитали, что социологическая амбивалентность, имеющая своими ис-

токами функционирующие социальные статусы и роли, является обуславливающей, первичной причиной психологической амбивалентности, с другой стороны, психологическая амбивалентность имеет социальную подоплеку и социальное значение. Сутью социологической амбивалентности являются “несовместимые нормативные ожидания в отношении установок, убеждений и поведения” [36, с. 6]. Междисциплинарный стык психологии и социологии состоял в том, что любая конфликтная социальная структура ведёт рано или поздно к психологическому дисбалансу (психологической неуравновешенности) её носителей, то есть людей и ролей, акторов, агентов или субъектов — кто в какой терминологии работает. Главный момент состоит в том, что понятие амбивалентности Р. Мертон относил, в первую очередь, хотя и не полностью, к аффективному состоянию, в котором индивид испытывает противоположные эмоции (например, “любовь и ненависть”, “Каин и Авель” — по отношению к одному и тому же объекту). Именно такое понимание этого термина Р. Мертон использовал в книге “Социальная теория и социальная структура”, когда описывал “напряжения и конфликты вместе с присущей им в той или иной степени амбивалентностью”. При этом “... чувство вины, ощущение греховности, угрызения совести — вот несколько выражений, указывающих на это состояние неизбежного напряжения” [8, с. 249]. В другой книге “Социология науки: теоретические и эмпирические исследования” Р. Мертон следующим образом обосновывал свой подход к проблематике социологической амбивалентности: “Может показаться, что институт науки, как и другие институты, включает в себя потенциально несовместимые ценности: среди них ценность оригинальности, которая побуждает ученых хотеть признания их приоритета, и ценность смирения, которая приводит их к настаиванию на том, как мало они смогли сделать. Эти ценности, конечно, на самом деле не противоречат друг другу по типу мышления: “Это бедняжка, но моя собственная” (англ. “It’s a poor thing, but mine own”), но они призывают к противоположным типам поведения. Слить

эти потенциальные несовместимости в единую ориентацию, примирить их в действительности – дело далеко непростое. Скорее, напряжение между этими родственными ценностями — такими же родственными, как Каин и Авель — порождает конфликт среди людей науки, которые усвоили их обе (родственные ценности), и порождает отчётливое двойственное отношение — амбивалентность — к притязаниям на приоритеты” [35, с. 305]. Мы привели эту цитату с целью того, чтобы продемонстрировать: согласно Р. Мертону, амбивалентность (двойственность) проистекает из “родственных ценностей” и она в этой жизни довольно распространена. Для более глубокого понимания социологического подхода Р. Мертона приведём ещё одну цитату, которая весьма популярна и была метафорическим образом (мемом) в американской организационной науке того времени: “Рассмотрим популярный образ лидера в организации. Для некоторых из многих, кто стоит ниже его в иерархии, он надёжный, знающий, решительный, могущественный, динамичный, угрожающий, руководящий и в целом отстранённый, действующий явными или неявными способами, чтобы повлиять на будущее организации, которую он возглавляет. На уровне глаз, прямо перед вами, его чаще всего можно увидеть исполненным беспокойных сомнений, поскольку он пытается справиться с двойственностью и противоречиями своего статуса. И если его ноги сделаны из вещества более твёрдого, чем глина, то это потому, что, поднимаясь на вершину с помощью тех, кто помогает ему удержаться там, он научился подавлять сомнения, жить с этой двойственностью (англ. “ambivalences”) / амбивалентностью и справляться с противоречиями своего положения [34, с. 73]. Как следует из этой цитаты, амбивалентность (или двойственность) довольно распространена в организациях. Актеры сталкиваются со сложной и динамичной рабочей средой; вынуждены играть множественные и порой противоречивые роли и сталкиваться с целями, ценностями, многогранными проблемами. Однако, как следует из цитаты, актеры часто способны “жить с амбивалентностью” (англ. “live with the ambivalence”)

и “справляться с противоречиями” (англ. “cope with the contradictions”). Эта цитата, таким образом, вызывает естественные вопросы: “Как актеры совершают этот трудный подвиг? Как они реагируют на неприятные смешанные чувства и мысли, которые характеризуют амбивалентность и каким-то образом продвигаются вперед с чётким фокусом и последовательным действием?” [15, с. 1453]. Наша задача — попытаться понять смысл и значение категории амбивалентности (двойственности) с тем, чтобы выявить “правильность” или “неправильность” ментальной модели критики её современных репрезентаций в рецензируемой монографии: “Амбивалентность власти в экономике двадцать первого века: примеры из России и других стран” под редакцией В. Радаева и З. Котельниковой.

При её неоднократном перечитывании у нас сложилось общее впечатление того, что дефиниция и сам концепт амбивалентности (двойственности) в представленных главах полностью как бы “провисает”: он “болтается сам по себе”, в безвоздушном пространстве, а все якобы операционализируемые и связанные с ним категории — “сами по себе”. У Р. Мертона, на которого авторы глав ссылаются, тем не менее, его концепт “социологической амбивалентности” как одновременно и положительной и отрицательной ориентации на объект почему-то постоянно обрывается и, более того, сам концепт амбивалентности у В. Радаева и А. Леденёвой, по сути дела, ни к чему конкретно и практически “не привязан”, он иллюстрирует разные вещи, описывает только различные противоположно направленные действия в их многочисленных примерах, при этом создаётся полное ощущение того, что эти “разные вещи” и “многочисленные примеры” образуют целый спектр “симулякров” (по Жану Бодрийяру: “симулировать — это значит делать вид, что у вас есть то, чего вы не имеете” [4, с. 7]). Глубокую чисто социологическую дефиницию амбивалентности разработал Луис Козер, который и подтвердил, и развил далее очень многие идеи Р. Мертона [8].

В конечном итоге вся теоретико-социологическая концепция “амбивалентности власти” у

В. Радаева и А. Леденёвой, на наш критический взгляд, почти полностью рассыпается. Для сравнения: у Р. Мертона его парадигма “социологической амбивалентности” жёстко привязана к статусным иерархиям в той или иной социальной структуре, операционализована в чётко обозначаемых социальных процессах, когда конфликт порождает все явственно различимые компоненты амбивалентности (двойственности), особенно в отношении утверждения приоритетов, целей и ценностей; она всегда отражала ситуацию “двойного притяжения эмоций” и диаметрально противоположных тенденций, существенные связи эмоций иллюстрировались в связи с любым рассматриваемым конфликтом (в частности, согласно афоризму: “любовь всегда находится на границе ненависти, а ненависть – на границе любви”), и они как оппозиции проявлялись в гибридных идентичностях, противоречивых целях и ценностях, стратегических проектах, в ролевых конфликтах разных статусных иерархий. На наш взгляд, полноценного раскрытия темы социологической амбивалентности, сопряженной со статусными различиями в духе Р. Мертона, произведено не было, и сложилось стойкое переживание горечи от того, что у В. Радаева и А. Леденёвой всё амбивалентное в итоге развалилось и остался лишь “один зонтик” и впечатление, что многие авторы глав рецензируемой книги практически “забыли про социологию”.

Вместе с тем очень важно подчеркнуть — и это прямым образом относится к рецензируемой монографии, — что изыскания в области организационных процессов всё чаще обращаются к амбивалентности как своеобразной “новой социологической теории” и сопряжённым актуальным вопросам. С начала XXI в. многие организационные исследователи связывают амбивалентность и амбивалентные отношения с такими темами, как сопротивление изменениям в организациях, рост эскапистского поведения (избегание неприятного, скучного времяпровождения, уход от обыденного, бегство от реальности — от англ. “escape”: “сбежать”, “спастись”) среди сотрудников персонала и даже склонность к совершению корпоративных преступлений.

Современные исследования связывают когнитивную и эмоциональную амбивалентность с процессами наиболее выгодного, эффективного принятия решений акторами (генеральными директорами), повышенной креативностью многих работников компаний, повышенной восприимчивостью к альтернативам, что приводит к повышению как точности их суждений, так и к более сильной организационной приверженности (лояльности). Обзоры существующих исследований по этой теме предполагают, что мы знаем гораздо больше о конкретных типах реакций людей (например, о неосознанных или неосознаваемых реакциях), чем о концептуальной взаимосвязи между этими реакциями; хотя на общем уровне мы также знаем, что люди могут признавать или отрицать свою амбивалентность и что конкретные реакции широко варьируются от психологического паралича и сильных колебаний до решительных и согласованных действий; однако относительно мало известно ещё о том, как операционально сравнивать эти реакции или как адекватно понимать различные ответы и реакции акторов на уровне организаций [15, с. 1453-1454; 39]. Такого рода исследования, хотя и продвинуты в какой-то узкой части, тем не менее по-прежнему разрозненны, систематических попыток чётко связать или систематизировать головокружительное количество реакций на амбивалентность не так много. К сожалению, многими такими пороками, на наш взгляд, страдает и рецензируемая коллективная монография.

ДЕФИНИЦИЯ “АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ВЛАСТИ”

Рецензируемая нами монография базируется и на дефиниции “амбивалентность власти”, которая уточняет содержание применяемого понятия, нагружая его дополнительными смыслами. Говоря о власти исключительно как о научной категории, без “амбивалентности”, необходимо упомянуть её определение в терминах Макса Вебера: это “любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась”. По его мнению, понятие “власть”

социологически аморфно. Любые человеческие качества и любые сочетания обстоятельств могут помочь человеку реализовать свою волю в имеющейся ситуации” [6, с. 109]. М. Вебер настаивал на том, что социологическое понятие “господство поэтому должно быть более точным и означать вероятность встретить повиновение приказу. Господство — это вероятность того, что определенные люди повинуются приказу определенного содержания; дисциплина – вероятность быстрого, автоматического и схематичного подчинения приказу у определенного множества людей в силу выработанной у них установки” [6, с. 109]. В рецензируемой книге представленная научная линия в терминах М. Вебера экономико-социологически представлена очень слабо. Не используется и высокий эвристический потенциал концепта власти, разработанный Т. А. ван Дейком и широко представленный в его книге “Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации” [5]. Т. А. ван Дейк определяет научный вектор дискурсивного характера властных взаимоотношений в современном обществе и описывает их репрезентацию в современных текстах и дискурсах самых разных жанров. По его справедливому и точному суждению, “властвовать означает сегодня обладать не столько аппаратом принуждения, сколько возможностью определять текущую ситуацию в обществе, формулируя критерии объективности, непредвзятости, авторитетности, правдивости и истинности” [5, с. 8]. Однако эта его книга была написана для условий глобализации, когда информация способна распространяться практически мгновенно и охватывать огромное количество индивидов, поэтому основным средством власти стало знание, формируемое путем включения субъектов, социальных групп и институтов в исторически обусловленные гетерогенные дискурсивные практики. Говоря в целом, для России сегодня (апрель 2023 г.) скорее характерны условия деглобализации, локализации, обособления от мирового пространства, и в такой среде разворачиваются процессы деградации, регресса и упадка компонентов нормальной публичной власти. В методологии критического

дискурс-анализа принято увеличивать научно-интеллектуальную роль в решении острых проблем современности, воспитывать навыки определять, анализировать и критиковать манипулятивные идеологические дискурсы и фейки, которые стали особенно популярны в современных российских средствах массовой информации, претендующих на собственную власть. Тематике утраты способности конструктивно справляться с двусмысленностью в современную эпоху посвящены очерки Дональда Левина, который проводит прямую критику современного принуждения избегать двусмысленности и предлагает свои собственные амбивалентные методологии. Он сосредоточил свой анализ на вопросе о том, какие ответы должны принять социологи перед лицом неумолимо двусмысленного характера мира и всех его естественных языков. В ходе своей аргументации он представил новое прочтение работ классиков современной европейской и американской социальной теории — Эмиля Дюркгейма, Зигмунда Фрейда, Георга Зиммеля, Макса Вебера, Роберта Парка, Толкотта Парсонса и Роберта Мертонса [33], что помогает в современном свете переосмыслить разные метаморфозы амбивалентности как таковой и амбивалентности власти, в частности.

Хотя в анализируемой и рецензируемой нами монографии сделан особый упор на “тёмные стороны” (англ. “dark sides”) объектов исследования, когда авторы всех семнадцати глав обращаются к рассмотрению амбивалентных стереотипов, предубеждений, предвзятости, многих иных форм подавления, систематически воспроизводимых на уровне социальных дискурсов от повседневных до дебатов в Государственной Думе, социальных сетях и в YouTube. При этом разные компоненты амбивалентности власти превращаются в некие “фиговые листки”, готовые прикрывать любые “тёмные стороны” объектов и субъектов исследования. Этот термин, кажется, предпочитает главный редактор монографии В. Радаев, потому что ориентация на “тёмные стороны” исследуемого объекта встречается почти во всех главах рецензируемой книги.

На наш взгляд, “тёмные стороны” и “амбивалентность власти” — это не очень удачные научные метафоры, так как при их применении и идентификации во всех главах книги в анализе амбивалентности власти нужно будет различать разные оттенки тёмных сторон (англ. “different shades of dark sides”) — от “терпимой” тёмной стороны (англ. “‘tolerable’ dark-side”) до “невыносимой” (англ. “‘intolerable’ dark-side”), как это принято в современном менеджменте и маркетинге. Надо также отметить, что в этой области проводятся соответствующие операционализации и верификации, а экономическая социология имеет несколько иную научную специфику.

Тем не менее, как нами отмечалось в первой части рецензии, в монографии имеется достаточно много ярких научных текстов, бросающих вызов существующим теориям и удовлетворяющих интересы всех, кого занимают вопросы современной экономики, встроены в современное общество.

Тщательный междисциплинарный и историко-теоретический анализ широкой гаммы смыслов, содержаний и значений дефиниции амбивалентности привёл нас к выводу о том, что это понятие есть некая метафизическая конструкция типа кантовской “вещи-в-себе” (“thing-in-itself”), то есть вещи как таковой, вне зависимости от нашего восприятия. Российская власть так и поступает: никого не слушает, работает исключительно сама на себя без каких-либо вообще обратных связей.

В рецензируемой книге “амбивалентность власти” как кантовская “вещь-в-себе” при использовании разнообразных “опосредующих” манипуляций вдруг превращается в “вещь-для-всех” (“thing-for-all”), раскрывая буквально все смыслы жизни и все её сущности. Мир, взятый “изнутри”, превращается в “мир для всех” подобно тому, как спокойно спящий пролетариат превращается в рабочий “класс-для-себя” с полным осознанием своих классовых интересов и потому готовый свергать любую буржуазию. Однако далеко не всё, что было конструктивным и позитивным в далёком прошлом, позитивно и конструктивно в настоящем и будущем.

ВЫВОДЫ

1. *Научная проблема*, решению которой посвящена данная статья и рецензируемая книга, обозначена в её названии, а именно: Что такое амбивалентность власти и в чём конкретно она состоит в экономике XXI в? В более широкой и в более глубокой интерпретации: В чём заключается феномен амбивалентности как таковой, как “сущность” или как “смысл” нашей жизни? Проблема власти и её амбивалентности (двойственности) наиболее остро стоит сегодня на местах (в регионах), когда решения верховной власти различных вертикалей, руководства и управления часто не подкреплены ресурсами местных акторов (игроков мезоуровня), институциональными структурами, действиями и солидарностью. Тематические исследования рецензируемой книги относительно концентрации и амбивалентности власти показывают, что проблемы её легитимности (особенно неформальной) на местах во многом практически так и не решены.

2. *Теоретическая, методологическая, эмпирическая и практическая актуальности* рецензируемой коллективной монографии состоят, по нашему мнению, в том, что она предлагает систематическое и подробное изложение теории и практики современных видов амбивалентности на макро-, мезо- и микроуровнях, рассмотренных с самых разных точек зрения: субстантивной (содержательной), нормативной, функциональной, институциональной, мотивационной, в том числе в формах рациональности – иррациональности как своеобразных современных типов паттернов и как “частиц власти” (англ. “particles of power”), что особенно важно идентифицировать как для целей обновления социально-экономических и политических наук, так и для внесения новых струй свежего воздуха в тематику государственного управления. Она даёт как исследователям, так и практикам не только новые теоретические идеи, но и целый спектр эффективных практических знаний, в том числе о том, как профессионально грамотно и чётко следует проводить эмпирически ориентированные исследования по всем актуальным вопросам экономической социологии, политической экономии или админи-

стративных отношений, рассматриваемых в том числе “через институциональные линзы” (англ. “through institutional lenses”). Операционализируя дефиницию власти, мы заимствуем определение ван Дейка, который справедливо утверждал, что “властвовать сегодня” означает обладать не столько аппаратом принуждения, сколько иметь действенные возможности “определять текущую ситуацию в обществе, формулируя критерии объективности, непредвзятости, авторитетности, правдивости и истинности” [5, с. 8]. Однако эта идеальная модель власти в настоящее время подверглась серьезной критической переработке. В первую очередь следует говорить не столько о её амбивалентности или неопределенности, сколько о многозначности, имеющей не только реальные конструктивные результаты, но и многочисленные разрушительные эффекты. Важный критерий злоупотребления властью – это “нелегитимное дискурсивное нарушение фундаментальных ценностей и норм общества, которое может осуществляться игнорированием, замалчиванием, отрицанием или открытым проговариванием” [5, с. 8]. Он определяет негативные стороны её амбивалентности. Вместе с тем для нас очевидно, что комплексное применение в рецензируемой монографии многообразия подходов амбивалентности власти демонстрируется авторами на множестве очень выразительных российских и международных примеров, что составляет несомненное достоинство этой книги.

3. *Логика изложения*, принятая в статье, основывается на особенностях нашего подхода, акцентирующего внимание на “непрерывности пути” при анализе рецензируемой монографии последовательно по главам в процессах “положительной обратной связи”, которые позволяют фиксировать научные и эмпирические результаты, возвращаясь к сути проблемы, уточняя моменты которые кажутся особенно интересными, важными и полезными. Учитывая, что многозначная дефиниция амбивалентности может быть переопределена даже как “сущность жизни” (англ. “essence of life”) и как “смысл жизни” (англ. “meaning of life”), у нас более широкая трактовка амбивалентности, которая представлена в самой

логике изложения, принятой в данной статье. Коротко отвечая на вопрос, который интересовал всех людей и всех великих философов по поводу амбивалентности как “сущности жизни” и как “смысла жизни”, даём свой краткий ответ: включение операциональной дефиниции “амбивалентность” в этот важный контекст как “сущности жизни” аналитически свидетельствует о том, что на самом деле нет “единого смысла”. Вместо этого великие философы утверждают, что в этой жизни смысл нужно искать инструментально и находить его можно различными способами. Амбивалентность во многих подобных ситуациях может быть репрезентирована через “единство и борьбу противоположностей” по Гегелю, Марксу или Ленину, что позволяет понять и увидеть достаточное множество способов, которыми любая жизнь может иметь свою собственную и “сущность”, и “смысл”, включая ценности помощи другим (альтруизм), успеха (эгоизм), любви и счастья, интерпретируя их как достаточно широко, так и довольно узко. Ценности “использования дня” или “повседневной жизни” из репертуаров теорий “социологии повседневности”, взятые как ресурсы личностного контроля или доминирования, также могут быть применены в самых разных спектрах, ракурсах и контекстах дефиниции амбивалентности. Именно на такое её свойство указывают все семнадцать статей рецензируемой книги.

4. *Перспективы дальнейшего направления* изучения и развития представляемой тематики “амбивалентности власти” можно обозначить в стилистике амбивалентности сути жизни, обозначенной в постмодернизме. В частности в интерпретации американского социолога Джонатана Тёрнера идеи французского философа Жака Бодрийера об “образности”, когда “поведение определяется потенциалом изображения и, таким образом, является просто изображением, что скрывает нереальность повседневной жизни” [57, с. 776]. В этой стилистике есть своеобразная амбивалентность. По сути говоря, дефиниция амбивалентности – это универсальная и уникальная категория, которая может содержать довольно сложную мозаику достаточно противоречивых,

сквозных и самых разнообразных теорий и подходов, включая любые верификации “сущностей и смыслов жизни” (см.: [Baggini 2013, 2020; Bauman 1993, Levine 1985, Merton and Barber 1963, 1976; Handbook AI 2022, Merton 2018, Smelser 1997, Sztompka 1986, 2000; Tartaglia 2016a, Tennenbaum 2020, Turner 2013]), в том числе включая компоненты “философии бессмысленной жизни” [55].

5. *В ситуациях подобного рода важны операциональные определения и практики*, которые представляются авторами, даже если они различны по концепциям и подходам, охватывающими многие научные традиции и предметные области, хотя и с несколькими общими линиями аргументации. Более того, мы бы хотели привести сильный аргумент Нила Флигстина и Дуга Мак-Адама в том, что, если за основу взять теорию стратегических полей действия (англ. “strategic action fields”), то она объясняет, как и почему укоренённые акторы (embedded actors) стремятся создавать и поддерживать социальный порядок в данной области. В то время как большинство подобных теорий подчеркивают центральную важность как интересов, так и власти, Н. Флигстин и Д. Мак-Адам твердо настаивали на том, что “стратегические действия на местах основаны на сложном сочетании материальных и ‘экзистенциальных’ соображений”. Они постулировали предпосылку, или “основополагающее микрооснование”, коренящееся в том, что они определили как “экзистенциальные функции социального” (англ. “existential functions of the social”), что помогает объяснить сущность человеческой коммуникабельности (англ. “essence of human sociability”) и связанную с ней способность к стратегическим действиям. В свою очередь, это микрооснование формирует их концепцию “социального навыка” (англ. “social skill”), который они определили как “способность к intersубъективному мышлению и действию” (англ. “intersubjective thought and action”), формирующую обеспечение “смысла, интересов и идентичности на службе коллективным целям” [12, с.3]. Для рецензируемой книги в эти области попадают экономическая социология, экономика, менеджмент, политоло-

гия, антропология, история, психология, право и междисциплинарные области. В концептуальном плане В. Радаев попытался поставить акцент на этой новейшей концепции экономической социологии, однако, к сожалению, в его собственной 6-й главе монографии многие её компоненты практически отсутствуют. Более того, так и не были устранены замечания к концептуальной части, которые были высказаны 11 лет назад Светланой Авдашевой [1] и Максимом Сторчевым [11], когда В. Радаев воспроизводил методологии изучения ритейлеров 2011 г. относительно вопросов власти в ситуациях несоблюдения межфирменного оппортунизма на российских потребительских рынках 2020 г.

6. *Наша конструктивная критика касается относительно исходной “психиатрической” трактовки амбивалентности*, которую А. Леденёва процитировала, хотя и не совсем точно, в предисловии. Это исходное определение базовой категории было взято из Оксфордского словаря английского языка: “сосуществование в одном человеке глубоко противоположных эмоций, убеждений, установок (аттитюдов, отношений) или побуждений (таких как любовь и ненависть, или влечение и отвращение) по отношению к человеку или предмету”. Она указала на отца понятия амбивалентности, швейцарского психиатра, профессора Евгения Блейлера (Eugen Bleuler), который ввел его в научный оборот, по её мнению, в 1911 г. На самом деле это было намного раньше: 24 апреля 1908 г. он прочитал лекцию на собрании Немецкой психиатрической ассоциации в Берлине и впервые обратил внимание и на эту категорию, и на её смысловые составляющие. Продвигая и пропагандируя эту категорию, к сожалению, авторы рецензируемой книги обходят стороной её психиатрические нарративы, а также негативные смысловые и содержательные моменты, когда не могут или не хотят увидеть причины непопулярности этой концепции из-за объединения в эту категорию в первую очередь психологии и психоанализа (представители которых сильно обижаются на социологов, обвиняя их в присвоении их собственной дефиниции), а также по причине доминирующего описания

амбивалентности в контексте индивидуального, а не социального, культурного и экономического опыта. Справедливо обращаясь к трактовке амбивалентности Р. Мертона, помимо вводимого различения социологической амбивалентности в расширенном (англ. “extended”) и ограниченном (англ. “most restricted”) / самом узком смысле, не имеющего особого значения для дальнейших рассуждений в данной статье, социологическое определение амбивалентности выводилось как наличие «несовместимых, некоммутативных / противоречивых нормативных ожиданий в отношении установок, убеждений и поведения, присваиваемых статусу (социальному положению) / связанных со статусом (социальным положением) или набором статусов в обществе» [36, с. 6]. Р. Мертон и Э. Барбер справедливо предполагали, что социологическая амбивалентность “вкладывается” / “расположена” в социально определенных статусах и ролях, в социальных нормах и ожиданиях по отношению к ним, в отношении к амбивалентности в психологическом смысле, в отличие от психологической амбивалентности, которая относится к отдельным психическим состояниям и типам личности.

7. Подчеркнём, что *Зигмунд Фрейд (Sigmund Freud)* вкладывал в термин “амбивалентность” иной смысл, чем Эйген Блейлер, рассматривая её как признак совместного существования противоположных глубинных побуждений, изначально присущих человеку: влечение к жизни – эрос (от др.-греч. “Ἔρως”), и влечение к смерти – танатос (от др.-греч. “θάνατος” – смерть). Влечение к жизни (эрос) – это комплекс влечений, включающий, по Фрейду, сексуальные влечения и инстинкт самосохранения, стремящиеся соединить биофизиологические части организма человека в некое единство, противопоставленные их влечению к смерти [13]. Не углубляясь в детали фрейдовской амбивалентности, особое внимание хочется заострить на амбивалентности Ж. Бодрийяра, который, основываясь на теоретической линии Фрейда и продолжая её, главной чертой постмодерна посчитал чувство утраты реальности, последним бастионом которой становится смерть, когда “умерли” Бог, человек, прогресс, искусство,

история. Амбивалентность при этом у Ж. Бодрийяра отражает понятие гиперреальности (от др.-греч. “ὕψερ” – над, сверху и лат. “realis” – вещественный, действительный) как симуляции, единицами которой являются симулякры – знаки или несамостоятельные феномены, отсылающие к чему-то другому, а потому симулятивные. В итоге сознание человека не способно отличить реальность от фантазии, особенно в технологически развитых странах постмодернистской культуры. Поэтому и жизнь, и смерть выступают не сами по себе, а как фантазмы (представления) [3]. В фундаментальных контекстах работ З. Фрейда и Ж. Бодрийяра эссе по амбивалентности Алёны Леденёвой, на наш взгляд, выглядит очевидно неглубоким, поверхностным и весьма слабым. Примерно такие же ощущения у нас возникают, когда мы идём вслед за ней по руслу её анализа амбивалентности таких гигантских фигур социологической мысли, как Р. Мертон и З. Бауман. В целом принимая, что Р. Мертон и Э. Барбер ввели понятие социологической амбивалентности, углубляя и переопределяя понятие структуры роли и статуса, которые в конкретной социальной реальности могли состоять в динамическом чередовании норм и антинорм (пример с врачом) и, опираясь на функциональный анализ, доказывали, что поведение, целиком ориентированное на доминирующие нормы, тем не менее может вредить функциональным целям данной роли. А. Леденёва вполне справедливо констатирует факт того, что “для многих профессий, таких как менеджеры и учёные, характерны колеблющиеся проявления сострадания, вседозволенности и предпочтительного отношения, с одной стороны, и отстраненности, дисциплины и безличного отношения, с другой” [41], однако, на наш взгляд, слабо развивает этот концепт в фундаментальном научном отношении.

8. Хотелось бы обратить внимание на “явный научный ляп” аналитика Центра социологии культуры НИУ ВШЭ Т. Кусимовой, которая в 14-й главе описала практики О. Сироты, который открыл маслобойню под шокирующим для нормального человека брендом “Русский пармезан”. По мнению Т. Кусимовой, используя

идею аутентичности, местные фермеры производят уникальные продукты на собственном терруаре, являясь частью мировой индустрии. Широкое использование патриотической или националистической риторики вместе со ссылками на качество глобальной продукции местными производителями становится эффективным инструментом привлечения местных покупателей и получения государственной поддержки. Однако она забыла маленькую деталь: “Русский пармезан” не может быть лучше оригинала – это понимают все, кто имел дело с современными технологиями изготовления такого сыра. Пармезан (от фр. “parmesan”, оригинальное название пармиджано-реджано, итал. “Parmigiano Reggiano”, то есть «пармский-реджийский») – итальянский сорт твёрдого

сыра долгого созревания, отмеченный знаком качества Denominazione di Origine Protetta. Это бренд, защищённый по происхождению. Те, кто употреблял настоящий пармезан, знают, что это сыр с неровным срезом, ломкой текстуры, крошится при нарезании, с нежным вкусом и с пикантным послевкусием. А “Русский пармезан” – это грубая поделка и подделка, которая в нормальном государстве должна преследоваться по закону – о чём написала в 11-й главе З. Котельникова: “Как владельцы брендов лишали легитимности подделки в России...”.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарим анонимных рецензентов за внимательное прочтение, вдумчивые комментарии и уместную критику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдашева С.Б. Анатомия власти. Рецензия на книгу: Радаев В. В. «Кому принадлежит власть на потребительских рынках» / С. Б. Авдашева. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. 383 с.
2. Башляр Г. Избранное. Том 1: Научный рационализм / Г. Башляр. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 395 с.
3. Бодрийяр Ж. По ту сторону бессознательного // Жан Бодрийяр. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. М.: Добросвет, 1976. 389 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции: пер. с фр. А. Качалова / Ж. Бодрийяр. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
5. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматава. М.: Либроком / Т. А. Ван Дейк. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 344 с.
6. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1. Социология [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» / М. Вебер. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445с.
7. Козер Л. А. Функции социального конфликта: пер.с англ. О. А. Назаровой / А. Л. Козер; под. общ. ред. Л.Г. Ионина. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.
8. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. М.: АСТ-Москва: Хранитель, 2006. 873 с.
9. Радаев В.В. Кому принадлежит власть на потребительских рынках: отношения розничных сетей и поставщиков в современной России / В.В. Радаев. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. 383 с.
10. Саймон Г. А. Рациональность как процесс и продукт мышления / Г. А. Саймон // THESIS. 1993. Т. 3. С. 16-38.
11. Сторчевой М. А. Розничные войны: эпизод третий. Рецензия на книгу: Радаев В. В. Кому принадлежит власть на потребительских рынках: отношения розничных сетей и поставщиков в современной России. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. 383 с. / М. А. Сторчевой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. С. 403-411.

12. Флигстин Н., МакАдам Д. Теория полей. Пер. с англ. Е. Б. Головляницыной; под науч. ред. В. В. Радаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» / Н. Флигстин, Д. МакАдам. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 464 с.
13. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия Психология бессознательного: пер. с нем. А. М. Боквикова / З. Фрейд. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2006. 448 с.
14. Abosag I., Dorothy Ai-wan Y., Bradley R. B. What is Dark about the Dark Side of Business Relationship / I. Abosag, Ai-wan Y. Dorothy, R. B. Bradley // *Industrial Marketing Management*. 2016. No. 55. Pp. 5-9. DOI:10.1016/j.indmarman.2016.02.008.
15. Ashforth B. E., Rogers K. M., Pratt M. G., Pradies C. Ambivalence in Organizations: A Multilevel Approach / B. E. Ashforth, K. M. Rogers, M. I G. Pratt, C. Pradies // *Organization Science*. 2014. Vol. 25 (5). Pp. 1453–1478. DOI: 10.1287/orsc.2014.0909.
16. Ashok A. H., Baugh J., Yeragani V. K. Paul Eugen Bleuler and the origin of the term schizophrenia (schizophreniegruppe) / A. H. Ashok, J. Baugh, V. K. Yeragani // *Indian J Psychiatry*. 2012. Vol. 54(1). Pp. 95–96. doi: 10.4103/0019-5545.94660.
17. Baggini J. *The Edge of Reason: A Rational Skeptic in an Irrational World.* / Baggini J.; Yale University Press, 2020. 272 p.
18. Baggini J. *What's It All About? Philosophy and the Meaning of Life* / J. Baggini. US: Granta Books, 2013. 215 p.
19. Bauman Z. *Modernity and Ambivalence* / Z. Bauman. Cambridge: Polity Press, 1993. 285 p. DOI 10.1177/026327690007002010
20. Berdysheva E. One man's pill is another man's poison: Ambivalence of definitional power - the case of breast cancer drugs in Russia. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond.* / E. Berdysheva; London: University College London Press (UCL Press), 2022. 369 p.
21. Bleuler E. *Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien* / E. Bleuler. Leipzig: Deuticke, 1991. 408 p.
22. Bleurer E. *Dementia Praecox, oder Gruppe der Schilozophrenien.* / E. Bleuler. Leipzig: Deuticke, 1911. 442 p.
23. Bleurer E. *Vortrag über Ambivalenz.* *Zentralblatt für Psychoanalyse* / E. Bleuler. 1910. 268 p.
24. Boccagni P., Kivisto P. Introduction: Ambivalence and the social processes of immigrant inclusion. / P. Boccagni, P. Kivisto // *International Journal of Comparative Sociology*, 2019. Vol. 60 (1-2). Pp. 3-13. DOI: 10.1177/0020715219835886.
25. Denisova M. Childbirth with doulas in Moscow: Between empowerment and responsibility. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond.* / M. Denisova; London: University College London Press (UCL Press), 2022. 369 p.
26. Habermas J. *The theory of communicative action. Volume 2: Lifeworld and system: a critique of functionalist reason* / J. Habermas. Cambridge: Polity. Publisher: Beacon Press, 1987. 457 p.
27. Hedstrom P., Udehn L. *Analytical Sociology and Theories of the Middle Range.* In *Handbook of Analytical Sociology.* Edited by Peter Bearman, Peter Hedström / P. Hedstrom, L. Udehn. Oxford University Press, 2009. 794 p.
28. Hillcoat-Nallétamby S., Phillips J. *Sociological Ambivalence Revisited.* *Sociology.* / S. Hillcoat-Nallétamby, J. Phillips // 2011. Vol. 45 (2). Pp. 202-217. DOI: 10.1177/0038038510394018
29. Krakauer D. «What is complex systems science? Santa Fe Institute» / D. Krakauer, 2017. <https://www.santafe.edu/what-is-complex-systems-science>
30. Kusimova T. Russian Parmesan, even better than the original': Exploratory research into organic farmers' valuation strategies. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond.* / T. Kusimova. London: University College London Press (UCL Press), 2022. 369 p.
31. Ledeneva A. *Ambivalence: practices, patterns and particles of power* In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond* / A. Ledeneva. London: University College London Press (UCL Press), 2022. 369 p.

32. Ledeneva A. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange* / A. Ledeneva. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1998. 256 p.
33. Levine D. N. *The Flight from Ambiguity. Essays in Social and Cultural Theory*/ D. N. Levine. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 260 p.
34. Merton R. K. *Sociological ambivalence and other essays.* / R. K. Merton; New York: Free Press, 1976. 287 .
35. Merton R. K. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations* by Robert K. Merton, Norman W. Storer / R. K. Merton. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 605 p.
36. Merton R., Barber E. *Sociological ambivalence.* In: Merton R.K. *Sociological ambivalence and other essays.* / R. Merton, E. Barber. New York: Free Press, 1976. 287 p.
37. Merton R., Barber E. *Sociological Ambivalence. Sociological Theory; Values, and Social Change. Essays in Honor of Pitirim A. Sorokin in Review I* ed. by E.A. Tiryakian / R. Merton, E. Barber. New York: Free Press, 1963. 120 p.
38. Pavlyutkin I., Makareva A. *Academic excellence through homogenization? Gaining legitimacy from the strategic positioning of top-ranked universities.* In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond.* / I. Pavlyutkin, A. Makareva. London: University College London Press (UCL Press), 2022. 369 p.
39. Pratt M.G., Pradies C. *Just a good place to visit? Exploring positive responses to psychological ambivalence.* Cameron K.S., Spreitzer G.M., eds. *The Oxford Handbook of Positive Organizational Scholarship* / M.G. Pratt, C. Pradies. Oxford: Oxford University Press, 2011. 937 p.
40. Radaev V. *The power of non-compliance: Inter-firm opportunism in Russian consumer markets* In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond* / V. Radaev. London: University College London Press (UCL Press), 2022. 369 p.
41. Radaev V., Kotelnikova Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond* / V. Radaev, Z. Kotelnikova. London: UCL Press, 2022. 369 p. <https://doi.org/10.14324/111.9781800082687>.
42. *Rational and Irrational Beliefs: Research, Theory, and Clinical Practice.* Illustrated Edition by Daniel David, Steven Jay Lynn and Albert Ellis. New York: Oxford University Press; 2010. 384 p.
43. Resheteeva R. *Everyday politics of consumption: Why cynical consumers are disappointed citizens - the case of Moscow during the economic crisis of 2014-2017.* In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*/ R. Resheteeva; London: University College London Press (UCL Press), 2022. 369 p.
44. Robert K. M. *By Carlo Mongardini* / K. M. Robert. Location New York. Imprint Routledge, 2018. 330 p. DOI <https://doi.org/10.4324/9781351291361>.
45. Røgeberg O. *Addiction Classics: The theory of Rational Addiction* // *Addiction.* 2020. Vol 115(1). Pp. 184-187. DOI: 10.1111/add.14822.
46. Sikorska M. *Ambivalencja socjologiczna jako kategoria uzyteczna w badaniach zycia rodzinnego.* *Studia socjologiczne* / M.Sikorska. 2020. Vol. 3 (238). Pp. 107-133. DOI: 10.24425/ct.2020.132472
47. Simon H. A. *Administrative Behavior.* Free Press, New York / H. A. Simon. Free Press; Subsequent edition, 1977. 384 p.
48. Simon H. A. *From Substantive to Procedural Rationality.* In *25 Years of Economic Theory*, T. J. Kastelein, S. K. Kuipers, W. A. Nijenhuis, and G. R. Wagenaar (eds.) / H. A. Simon. Boston, MA: Springer US, 86 p. doi:10.1007/978-1-4613-4367-7_6
49. Simon H. A. *Models of man: social and rational; mathematical essays on rational human behavior in a social setting* / H. A. Simon. New York: John Wiley, 1957. 287 p.
50. Smelser N. J. *The rational and the ambivalent in the social sciences: Presidential Address* / N. J Smelser // *American Sociological Review* 1977. Vol. 63 (1). Pp. 1-16.
51. Stotz-Ingenlath G. *Epistemological aspects of Eugen Bleuler's conception of schizophrenia in 1911* / G. Stotz-Ingenlath // *Med Health Care Philos.* 2000. Vol. 3(2). Pp. 153-159. doi: 10.1023/a:1009919309015.

52. Sztompka P. Robert K. Merton: An intellectual profile / P. Sztompka. London: Macmillan, 1986. 324 p.
53. Sztompka P. The Ambivalence of Social Change. Triumph or Trauma? Polish Sociological Review / P. Sztompka // Polskie Towarzystwo Socjologiczne. 2000. Vol. 131 (2000). Pp. 275-290.
54. Tartaglia J. Philosophy in a Meaningless Life: A System of Nihilism, Consciousness and Reality / J. Tartaglia. Bloomsbury Academic, London. Freely available, 2016. 232 p. DOI 10.5040/9781474247696
55. Tartaglia J. Is philosophy all about the meaning of life? / J Tartaglia// Metaphilosophy. 2016. Vol. 47(2). Pp. 283-303.
56. The Routledge Social Science Handbook of artificial intelligence by Anthony Elliott (Editor). Routledge, 2022. 368 p.
57. Turner J. Theoretical Sociology: 1830 to the Present / J. Turner; SAGE Publications, Inc. 2013. 1120 p.
58. Wang L., Pratt M. G. An identity-based view of emotional ambivalence and its management in organizations. Ashkanasy N. M., Cooper C. L., eds. Research Companion to Emotion in Organizations / L. Wang, M. G. Pratt. Edward Elgar, Cheltenham, 2008.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-2-33-66

UDC 336.2

Ambivalence as an “umbrella concept”. Reflections on the publication of the book: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). 2022. The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond. London: UCL Press, 369 pages. <https://doi.org/10.14324/111.9781800082687>. Part 2

Vladimir A. Davydenko¹
Elena V. Andrianova²

¹ Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Research Center, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
ORCID: 0000-0001-8389-4254; v.a.davydenko@utmn.ru

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Head of Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen (Tyumen, Russia); Senior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russia)
ORCID: 0000-0002-7769-9206; e.v.andrianova@utmn.ru

Abstract. This article continues our critical review of the peer-reviewed publication *Ambivalence of Power in the Economy of the Twenty-First Century: Case Studies from Russia and Beyond* (2022), edited by Vadim Radaev and Zoya Kotelnikova.

The high heuristic potential of the monograph under consideration is beyond doubt. At the same time, the scientific functionality of this book is in itself extremely ambivalent. Analyzing the concluding chapters of *The Ambivalence of Power...* the authors of this article focused on a number of debatable issues presented in the findings sections, including criticism of the modeling indicators. Our own reflections on the common points that are covered in all the chapters of *The Ambivalence of Power...*, both from theoretical and empirical points of view, have led us to the metaphor of an ‘umbrella concept’ uniting all of its chapters.

A thorough interdisciplinary, historical and theoretical analyses of a wide range of concepts, definitions, and meanings of ambivalence resulted in a conclusion that it is a kind of metaphysical construction of the Kantian ‘thing in itself’ type, i.e. a thing per se, before our perception in time and space. In the book in question, the “ambivalence of power”, just like Kant’s ‘thing in itself’, when using various ‘mediating’ manipulations, suddenly turns into a ‘thing for all’, revealing literally all the meanings and essences of life. The world taken ‘from within’ turns into a ‘world for all’ just like the peacefully sleeping proletariat turns into a working ‘class for itself’ fully aware of its class interests and therefore ready to overthrow any bourgeoisie. At the same time, the ambivalences of power turn into some kind of ‘fig leaves’ available to cover up any ‘dark sides’ of the objects under study. This term is clearly preferred by Vadim Radaev since orientation towards such ‘dark sides’ of the objects under study is found in almost all the chapters of the book under review. In our opinion, the term ‘dark sides’ of ambivalence is not a very successful scientific metaphor because if it is used in all the seventeen chapters of the book in the analysis of the ambivalence of power, different shades of these ‘dark sides’— from the ‘tolerable’ to the ‘intolerable’ ones — should have been distinguished, as is customary in modern management and marketing. It must be emphasized that in these areas separate, appropriate operationalizations and verifications are carried out; and there is a somewhat different scientific specificity

in economic sociology, not at all related to focusing on the ‘dark sides’ of ambivalence. Nevertheless, as we noted in the first part of the review, the monograph *The Ambivalence of Power...* contains a lot of brilliant scientific texts which challenge the existing theories and satisfy the interests of almost anyone interested in the issues of modern economy embedded in modern society.

Keywords: Ambivalence, ambivalence of power, umbrella approach, ‘dark sides’ of research objects, limited rationality, irrationality.

Citation: Davydenko V. A., Andrianova E. V. 2023. “Ambivalence as an “umbrella concept”. Reflections on the publication of the book: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). 2022. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: UCL Press, 369 pages. Part 2” // *Siberian Socium*, vol. 7, no. 2 (24), pp. 33-66. DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-2-33-66

REFERENCES

1. Abosag I., Dorothy Ai-wan Y., Bradley R. B. 2016. What is Dark about the Dark Side of Business Relationship. *Industrial Marketing Management*, no. 55, pp. 5-9. DOI:10.1016/j.indmarman.2016.02.008
2. Ashforth B. E., Rogers K. M., Pratt M. G., Pradies C. 2014. Ambivalence in Organizations: A Multilevel Approach. *Organization Science*, vol. 25 (5), pp. 1453–1478. DOI: 10.1287/orsc.2014.0909.
3. Ashok A. H., Baugh J., Yeragani V. K. 2012. Paul Eugen Bleuler and the origin of the term schizophrenia (schizopreniegruppe). *Indian J Psychiatry*, vol. 54(1), pp. 95–96. doi: 10.4103/0019-5545.94660.
4. Avdasheva S.B. 2011. *Anatomiya vlasti. Retsenziya na knigu: Radaev V. V. «Komu prinadlezhit vlast' na potrebitel'skikh rynkakh»* [Anatomy of power. Review of the book: Radaev V.V. «Who owns the power in consumer markets»]. Moscow: HSE.
5. Baggini J. 2013. *What's It All About? Philosophy and the Meaning of Life*. US: Granta Books.
6. Baggini J. 2020. *The Edge of Reason: A Rational Skeptic in an Irrational World*. New Haven: Yale University Press.
7. Bashlyar G. 2000. *Izbrannoe: Tom 1. Nauchnyy ratsionalizm* [Selected: Volume 1. Scientific rationalism.]. Moscow, Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga.
8. Bauman Z. 1993. *Modernity and Ambivalence*. UK: Cambridge: Polity Press. DOI: 10.1177/026327690007002010
9. Berdysheva E. 2022. One man’s pill is another man’s poison: Ambivalence of definitional power - the case of breast cancer drugs in Russia. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press).
10. Bleuler E. 1991. *Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien*. Leipzig: Deuticke.
11. Bleurer E. 1910. *Vortrag über Ambivalenz*. *Zentralblatt für Psychoanalyse*.
12. Bleurer E. 1911. *Dementia Praecox, oder Gruppe der Schizophrenien*. Leipzig: Deuticke.
13. Boccagni P., Kivisto P. 2019. Introduction: Ambivalence and the social processes of immigrant inclusion. *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 60 (1-2), pp. 3-13. DOI: 10.1177/0020715219835886.
14. Baudrillard J. 1976. *Po tu storonu bessoznatel'nogo* [On the other side of the unconscious]. In: Baudrillard J. 1976. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow: Dobrosvet.
15. Baudrillard J. 2015. *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations]. Moscow: POSTUM Publishing House.
16. David D., Jay Lynn S., Ellis A. 2010. *Rational and Irrational Beliefs: Research, Theory, and Clinical Practice*. New York, Oxford University Press.

17. Denisova M. 2022. Childbirth with doulas in Moscow: Between empowerment and responsibility. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press).
18. Elliott A. (ed.) 2022. *The Routledge Social Science Handbook of Artificial Intelligence*. Routledge.
19. Fligstein N., McAdam J. 2022. *Teoriya poley [Theory of fields]*. Moscow: HSE.
20. Freud Z. 2006. *Po tu storonu printsipa udovol'stviya: Psikhologiya bessoznatel'nogo [Beyond the Pleasure Principle: Psychology of the Unconscious]*. Transl. from German by A. M. Bokovikova. Moscow: Astrel': AST: Khranitel'.
21. Habermas J. 1987. *The theory of communicative action. Volume 2: Lifeworld and system: a critique of functionalist reason*. UK: Cambridge: Polity. Publisher: Beacon Press.
22. Hedström P., Udehn L. 2009. *Analytical Sociology and Theories of the Middle Range*. In *Handbook of Analytical Sociology*. Ed. by Peter Bearman, Peter Hedström. Oxford: Oxford University Press.
23. Hillcoat-Nallétamby S., Phillips J. 2011. *Sociological Ambivalence Revisited*. *Sociology*, vol. 45 (2), pp. 202-217. DOI: 10.1177/0038038510394018
24. Kozer L. A. 2000. *Funksii sotsial'nogo konflikta [Functions of social conflict]*. Moscow: Idea-Press.
25. Krakauer D. 2017. *What is complex systems science?* Santa Fe Institute. <https://www.santafe.edu/what-is-complex-systems-science>
26. Kusimova T. 2022. *Russian Parmesan, even better than the original': Exploratory research into organic farmers' valuation strategies*. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press).
27. Ledeneva A. 1998. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
28. Ledeneva A. 2022. *Ambivalence: practices, patterns and particles of power* In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press).
29. Levine D. N. 1985. *The Flight from Ambiguity. Essays in Social and Cultural Theory*. Chicago: University of Chicago Press.
30. Merton R. 2006. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social theory and social structure]*. Moscow: AST-Moskva.
31. Merton R. K. 1976. *Sociological ambivalence and other essays*. New York: Free Press.
32. Merton R. K. 1976. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations* by Robert K. Merton, Norman W. Storer. Chicago: University of Chicago Press.
33. Merton R., Barber E. 1963. *Sociological Ambivalence*. *Sociological Theory; Values, and Social Change. Essays in Honor of Pitirim A. Sorokin in Review I* ed. by E.A. Tiryakian. New York: Free Press.
34. Merton R., Barber E. 1976. *Sociological ambivalence*. In: Merton R.K. *Sociological ambivalence and other essays*. New York: Free Press.
35. Pavlyutkin I., Makareva A. 2022. *Academic excellence through homogenization? Gaining legitimacy from the strategic positioning of top-ranked universities*. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press).
36. Pratt M.G., Pradies C. 2011. *Just a good place to visit? Exploring positive responses to psychological ambivalence*. Cameron K.S., Spreitzer G.M., eds. *The Oxford Handbook of Positive Organizational Scholarship*. Oxford: Oxford University Press.
37. Radaev V. 2022. *The power of non-compliance: Inter-firm opportunism in Russian consumer markets* In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press).

38. Radaev V., Kotelnikova Z. (eds). 2022. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: UCL Press.
39. Radaev V.V. 2011. *Komu prinadlezhit vlast' na potrebitel'skikh rynkakh: otnosheniya roznichnykh setey i postavshchikov v sovremennoy Rossii* [Who owns the power in consumer markets: the relationship of retail chains and suppliers in modern Russia]. Moscow: HSE.
40. Resheteeva R. 2022. *Everyday politics of consumption: Why cynical consumers are disappointed citizens - the case of Moscow during the economic crisis of 2014-2017*. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press).
41. Robert K. M. 2018. By Carlo Mongardini. New York: Imprint Routledge.
42. Røgeberg O. 2022. *Addiction Classics: The theory of Rational Addiction*, *Addiction*, vol 115(1), pp. 184-187. DOI: 10.1111/add.14822.
43. Saymon G. A. 1993. "Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya" [Rationality as a process and product of thinking]. Moscow: THESIS, vol. 3, pp. 16-38.
44. Sikorska M. 2020. *Ambivalencja socjologiczna jako kategoria uzyteczna w badaniach zycia rodzinnego*. *Studia socjologiczne*, vol. 3(238), pp. 107-133. DOI: 10.24425/ct.2020.132472.
45. Simon H. A. 1957. *Models of man: social and rational; mathematical essays on rational human behavior in a social setting*. New York: John Wiley.
46. Simon H. A. 1977. *Administrative Behavior*. New York: Free Press; Subsequent edition.
47. Simon H. A. *From Substantive to Procedural Rationality*. In *25 Years of Economic Theory*, T. J. Kastelein, S. K. Kuipers, W. A. Nijenhuis, and G. R. Wagenaar (eds.). Boston, MA: Springer US.
48. Smelser N. J. 1977. *The rational and the ambivalent in the social sciences: Presidential Address*. *American Sociological Review*, vol. 63(1), pp. 1-16.
49. Storchevoy M.A. 2011. *Roznichnye voyny: epizod tretiy. Retsenziya na knigu: Radaev V.V. Komu prinadlezhit vlast' na potrebitel'skikh rynkakh: otnosheniya roznichnykh setey i postavshchikov v sovremennoy Rossii*" [Retail wars: episode three. Book review: Radaev V.V. Who owns the power in consumer markets: the relationship of retail chains and suppliers in modern Russia]. Moscow: HSE, pp. 403-411.
50. Stotz-Ingenlath G. 2000. *Epistemological aspects of Eugen Bleuler's conception of schizophrenia in 1911*. *Med Health Care Philos*, vol. 3(2), pp. 153-159. doi: 10.1023/a:1009919309015.
51. Sztompka P. 1986. *Robert K. Merton: An intellectual profile*. London: Macmillan.
52. Sztompka P. 2000. *The Ambivalence of Social Change. Triumph or Trauma?* *Polish Sociological Review*. *Polskie Towarzystwo Socjologiczne*, vol. 131 (2000), pp. 275-290.
53. Tartaglia J. 2016. *Philosophy in a Meaningless Life: A System of Nihilism, Consciousness and Reality*. Bloomsbury Academic, London. Freely available.
54. Tartaglia J. 2016. *Is philosophy all about the meaning of life?* *Metaphilosophy*, vol. 47(2), pp. 283-303.
55. Turner J. 2013. *Theoretical Sociology: 1830 to the Present*. Publications, Inc.
56. Van Deyk T.A. 2014. *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: representation of dominance in language and communication]. Moscow: LIBROKOM.
57. Veber M. 2016. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii* [Economy and society: essays on understanding sociology]. Moscow: HSE.
58. Wang L., Pratt M.G. 2008. *An identity-based view of emotional ambivalence and its management in organizations*. Ashkanasy N.M., Cooper C.L., eds. *Research Companion to Emotion in Organizations*.